Я семья и школа

2.2010

Школьная форма: без крайностей
страница 20

Ребёнок-катастрофа
страница 7

Дети и кризис
страница 18

Угощения для Тигра
страница 36

журнал для родителей

Фото Елены Боковой

7я
семья и школа

Журнал
для родителей
Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

На обложке:
фото Татьяны Соболевой

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:
Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),
Л. А. Комарова
(художественный
редактор),
Н. С. Мавлевич
(школа и общество),
Л. Ф. Осипова
(культура),
В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Н. П. Солошек

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»
Свидетельство
о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7,
строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
142300 город Чехов Московской области
Сайт: www.chpk.ru
e-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8 (49672) 625-36; 8 (499) 270-7300

№ 2 (февраль) 2010
Подписано в печать 29 января 2010 года.
Формат 60×90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 7200 экз. Заказ

В розничной продаже
цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

Подписные индексы:
по Объединенному
каталогу «Пресса
России» — 70909;
по каталогу
«Роспечати» — 70906;
по каталогу
«Почта России» —
99351.
Подписка
через Интернет:
presscafe.ru

С анонсами
свежих номеров
нашего журнала
вы можете
познакомиться
на страницах сайта
mag7a.narod.ru

В номере:

Советы и рекомендации

Е. Мурашова
Гриша — ребёнок-катастрофа
7

Родители, образованные люди, читали соответствующие книги. Там было написано, что воспитывать таких детей нужно внимательно и терпеливо, приучая их к труду и сосредоточенности...

Э. Давыдова
Мне профессию выбирать, а я боюсь, что...
16

Ошибки при выборе профессии вызваны неосведомленностью о профессиях, незнанием своих сильных и слабых сторон, неумением отстаивать собственное мнение перед друзьями и родителями

Н. Зырянова
Дети и кризис
18

Вот уже год с лишним наша страна переживает экономический кризис. Психологи спрашивали шестилеток о том, знают ли они что-нибудь о кризисе, о его причинах, о том, что изменилось дома...

Повод к размышлению

Вокруг развития и воспитания
4

Вячеслав Иванов
Почему надо заниматься наукой
8

Вторая часть публикации, начатой в предыдущем номере. «Мне кажется, ощущение чего-то необычайного, связанного с наукой, как правило, того же рода, что и вызванное хорошей музыкой или картиной»

Кое-что о школьной форме
20

Нельзя упорно игнорировать молодежную моду и запрещать слишком многое. Надо лишь не позволять крайностей, неуместных в образовательном учреждении

Просвещая просвещённых
30

Наталья Мавлевич беседует с Евгенией Абелюк о двухтомной «Истории русской литературы XX века»

Чтение

Борис Бим-Бад
Мой младший брат
2

Когда я пытаюсь найти причины разительных различий между нами, кровными братьями, всё чаще приходят на ум обстоятельства первых лет его и моей жизни...

А. Гордон
Грех жаловаться
10

Образовательное учреждение № 1708 — это гибкая многоуровневая система, включающая в себя раннюю помощь, лекотеку, группы кратковременного пребывания, двенадцатичасовой и круглосуточный сад, начальную и среднюю школу

Михаил Демуров
«Dezdemona dead...»
Рассказ
22

Мариэтта Чудакова
Злоключения русского языка в XX веке
18

Евгений Попов
Страна, где все надписи на кириллице
33

Л. Осипова
Картинная галерея: **Луи Ленен**
40

Домашние занятия

Кухня: **посвящается Тигру**
36

Развлечения: **игры на мамин день**
37

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах России получают журнал благодаря финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Мой младший брат

Борис Бим-Бад

«Идемте, капитан, все лучшее — впереди... Ну так вот, капитан, пейте, я буду говорить долго. Вы знаете, что я люблю вас, капитан?»

Макар. Братец (рассказ)

Хотя мне не было еще четырех лет, я хорошо помню, как мы с папой забирали новорожденного брата из роддома, прихватив заодно, разумеется, и маму.

Возможно, это событие врезалось в мое начинающееся сознание благодаря двум, как минимум, обстоятельствам.

Расположение духа взрослых, как известно, заразительно для детей. Совсем недавно, 9 мая 1945 года, полностью исчезла долгая гнетущая атмосфера войны и восторжествовало всеобщее триумфальное настроение. Место неизбывной тревоги заняла улыбчивая надежда. Это был довольно резкий переход к мажорной тональности жизни, и рождение 26 мая того же года нового члена семьи было воспринято ею как еще одна великая победа.

И еще одно потрясающее событие. В первый и — на долгие годы вперед — в последний раз к нашему дому подъехало такси. Мы ехали в автомобиле... Невероятно. Не помню, хватило ли у папы денег на цветы.

Малыша нарекли Макаром, и Макар оказался пухлым белокурым красавцем. С ходом времени Макар превратился в высокого стройного кумира девочек и женщин разного возраста.

Мама и ее мама выполняли любое почти его желание, а папа остался верен своей требовательности ко мне, не шибко красивому, невзрачному, среднего (всегда) роста. Отец восставал против потворства капризам младшенького, но бабушка и мама держали мощный единый фронт, который отцу не удавалось прорвать.

Макар рос в убеждении, что мир создан для него, а сам он создан для себя. Однажды, еще дошкольником, он спросил за столом: «Мама, а когда ты умрешь, кто будет за мной ухаживать?»

Школьная работа у брата не заладилась, и бабушка с мамой, решив, что в этом повинны учителя, перевели его в другую школу. Там дело шло тоже туговато, поэтому появилась третья школа. Между второй и третьей, помнится, было и ремесленное училище. Но отовсюду брату приходилось уходить, поскольку, как и Евгению Онегину, «труд упорный ему был тошен», хотя мама и бабушка обвиняли в его неудачах что угодно иное — то школьную реформу, то неподготовленность учителей...

Отец решительно противился подобному потворству, и брат невзлюбил родителя, сохранив антипатию к нему на всю жизнь.

Но сколько бы ни было в нашей семье трудностей и разногласий, все они уравновешивались совместным чтением рассказов и стихов. Уверен, что именно общий смех и коллективные переживания, дарованные нам коллективным чтением, оставили хорошие следы в душе и моего младшего брата.

У нас в семье была небольшая тщательно подобранная библиотека. Макар пристрастился к чтению, в котором не был ленив. Напротив, он на всю жизнь сохранил любовь к неоднократному перечитыванию толстых фолиантов, особенно Толстого и Диккенса. Как я понимаю, именно упорному вчитыванию, долгому обдумыванию выдающихся литературных произведений он был обязан своей ранней склонностью к философствованию и поздно проявившейся тягой к собственному художественному творчеству.

Ко мне иногда приходили друзья из весьма просвещенных семей, способные подолгу читать вслух Салтыкова-Щедрина и Мольера, и хохотать, хохотать, хохотать, читая по очереди. Макар не уклонялся от присутствия при этих коллективных наслаждениях сатирой высокой пробы, отменного вкуса.

Ни ревности, ни соперничества не припомню между нами. Напротив, мы вместе ходили на каток, катались на лыжах, во время каникул даже путешествовали — сначала по родной Москве, а по мере взросления — всё дальше.

Но постепенно каждый из нас зажил почти исключительно своей жизнью. Мы выросли совершенно разными по характеру и судьбе людьми.

Достигнув лет четырнадцати, Макар стал, по его словам, «настоящим мужчиной». Это значило, что на его шее одновременно висело несколько девочек. Начались выпивки и драки, папе приходилось вызволять его из милиции. Последний раз — незадолго до своей скоротечной болезни и смерти в 1960 году.

Макар так и не окончил десятилетки. Поскольку у него не было аттестата зрелости, он не мог поступить в вуз. Работал грузчиком, разнорабочим, потом в армии научился водить машину и стал профессиональным шофером. Это не значит, что он постоянно работал. Время от времени он попадал, как правило из-за очередного своего романа, в неприятную, а то и опасную, ситуацию, и уже не отцу, а мне приходилось выручать его. Не всегда это было легко.

Несколько лет стабильности в его жизни дала ему женитьба и рождение дочери. Но счастье оказалось непрочным: новая влюбленность — и брак распался, а Макар снова стал перекати-поле. Как-то, уехав на Дальний Восток, он на целый год внезапно исчез с нашего горизонта. Вернувшись слегка покалеченным и с отмороженными ногами, он так и не сумел объяснить маме и мне причину своих бедствий.

Я пытался лечить его от запойного пьянства, но после каждого курса лечения он маленькими дозами пива постепенно возобновлял неутолимую потребность своего организма в алкоголе. В конце концов он провозгласил себя неизлечимым алкоголиком, и мне оставалось только выводить его из запоев, от которых страдало прежде всего сердце.

Недавно он умер во сне после очень долгого запоя, вызванного болезнью и смертью его жены Нины Павловны. Во время нашего последнего разговора (по телефону) он сказал: «Как же я люблю тебя!»

За несколько лет до кончины Макар написал книгу рассказов и кратких эссе, которые, я надеюсь, останутся скромным «нерукотворным памятником» ему. Там, в этой книжечке, есть такие слова, которые, мне кажется, брат обращал ко мне:

«Вот и кончилось мое затянувшееся до старости детство. Я постараюсь рассказать тебе то, что таил в себе, стыдясь, как болезни.

Во мне жило какое-то изначальное знание, и то, что удивляло и занимало других, было для меня привычным и каким-то своим. Когда все увлекались Карнеги, я прочитал пару глав и понял, что я давно делаю именно так и даже лучше. Когда появились подпольные самиздатовские пособия по сексу, я узнал, что делаю все по инструкции и тоже лучше. К собеседнику я приноравливался в доли секунды и знал, что нужно и можно ему говорить. Наверное, я был бы большим жуликом или политиком (впрочем, я повторяюсь), если бы не брезгливость.

Меня вышвыривало отовсюду, как щепку из воды (или не щепку).

Трудно было долго притворяться, да и лень. Один раз я всерьез решил, что смогу, но все кончилось диким запоем. И таким же позором. Главным чувством в моей жизни был стыд. Стыд за себя и других, и, если в быту он бывал переносимым, то в официальных присутствиях просто смертельным. Я вечно ходил без справок, паспортов, потому что поход в любое присутственное место был пыткой. В каждой канцелярии, в любом кабинете меня скручивало в листок, и чем выше был чин хозяина кабинета, тем хуже мне...

Люди живут для удовольствия. Для удовольствия они говорят правду и лгут, верят и сомневаются, молятся и проклинают, едут в бордель и в консерваторию, идут на кражу и на подвиг, творят и разрушают. При этом живут они неясными, смутными сгустками мыслей, желаний, инстинктов. Чувства незамутненные, рафинированные, очень редки и часто опасны.

Любовь — смесь желания со страхом, унижением, высокомерием, нежностью, презрением и еще черт знает с чем, и все это у всех в разных пропорциях и соотношениях. В этом уравнении можно подставлять или менять местами любые члены — все равно оно будет справедливо и неразрешимо. Какая философия-психология-социология-анатомия осмелится распутать этот клубок и сказать: я знаю?! Только искусство, а там, где бессильно и оно, там — вера. Но и вера в этом мире — искусство. Уж больно искусно и изощренно надо верить, чтобы примирить непримиримое.

...Я встречал самых, казалось бы, разных людей, черных, красных, синих, белых и желтых, и вся разница между ними состояла в том, что скороговорку «*родился, жил, умер*» они произносили на разных языках.

Скороговорка у всех одна, а свою я быстро договариваю. Светлеет за окном, и так же светлеет у меня на душе. Будет новый день. Я помню, что ответил Силен настырному царю Мидасу: уж коли родился ты на свет человеком, то не надо метаться в страхе, нюнить и изворачиваться, а достойно и честно жить, делать, что можешь, любить землю и ее Творца, а когда придет время, уходить туда, где, я знаю, новая земля, и новое небо, и спускающийся с небес город, украшенный подобно новобрачной. Где все двенадцать ворот всегда днем открыты, а ночи там не бывает.

И в этом свете нового дня душа очистится от страха, и ужаснется или возликует, и войдет или не войдет в ворота. И если исполнится по вере моей, то встречу тех, по кому тосковал. И потому говорю тебе «до свидания», а если нет — «прощай»...»

Когда я пытаюсь найти причины разительных различий между нами, кровными братьями, все чаще приходят на ум обстоятельства первых лет его и моей жизни. Казалось бы, невелика возрастная разница между нами, и семья, в которой мы родились и росли, как представляется на поверхностный взгляд, одна и та же. Но эта разница оказалась определяющей, а семейная обстановка сильно изменилась.

Ведь что означало, что Макар появился на свет после войны, а я был фактически ее ровесником? Многое. Он не знал недоедания и не овладел искусством выискивать и уничтожать вшей в головах родных. Не ведал холода и светомаскировки, очередей при *отоваривании* по *карточкам*, он не видел вокруг себя столько горестных лиц, его сердце не надрывалось от слез соседей, получивших *похоронки*... Главное же — он попал в среду, которая не требовала столь напряженных усилий по выживанию, он не был свидетелем и участником (да-да, посильным участником, как я в свои первые три-четыре года) почти непрерывного бытового труда. Макару не надо было сопровождать родных на рынки, где меняли соль на хлеб или картошку, помогать нести из подвала толику легких дровишек и плясать в неверных огненных бликах, падавших из печурки, копать и полоть грядку. Он не носил штанишек, перешитых из старых юбок, и у него всегда была обувь... Всего не перечесть.

Все взрослые вокруг меня были заняты, им некогда было возиться со мной, я не чувствовал себя пупом земли, не был избалован вниманием к своей персоне. Во мне зародилось и навсегда осталось ощущение, что общее и мое личное спасение заключено только в труде, и в моем личном труде тоже.

Страшно худая во время войны («Я была постоянно голодной», — признавалась она позднее), наша мама после рождения Макара стала дородной, она вместе с бабушкой работала на дому и пестовала младшего. Он был объектом почти непрерывного любящего внимания, которое воспринимал как должное и само собой разумеющееся. В то же время я — как старший, «большой», — оставался по-прежнему предоставленным редким заботам отца, много и тяжко трудившегося. Он играл со мной в настольные игры, шашки и шахматы, учил декламации и домашним поделкам...

Так «сложилось», что Макар рос и вырос значительно более избалованным, чем я, и существенно менее трудоспособным. Вместе с тем у нас с ним всегда было и нечто общее, роднящее — склонность к раздумьям, чтению и писательству.

Я раскаиваюсь, что на его последние слова о любви ко мне я отшутился, как отшучивался капитан из его рассказа «Братец». Почему я не сказал просто: «И я тоже люблю тебя?»

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Разрыв поколений уходит в историю?

У американцев, выросших в последние два десятилетия, термин «разрыв поколений» вызывает недоумение: о чем идет речь? Зато у тех, чья юность пришлась на 60-е годы, эти слова порождают лавину воспоминаний. Хиппи, немыслимые одежды и прически, наркотики, массовые протесты против расизма и войны — эти приметы радикально отличали молодежь от их консервативных отцов и дедов, порождая полное взаимонепонимание.

Но уже в следующем десятилетии, в 70-е годы, «поколение Икс», пришедшее на смену хиппи, вернулось, полагает «Голос Америки», к устоявшимся ценностям американского капитализма. Правда, отголоски прежних неистовств ощущались во многих сферах — особенно в музыке, но в целом разрыв поколений сократился и несколько утратил свою остроту.

Ну а сегодня?

Начиная с 90-х годов социологи отмечают коренной сдвиг в отношениях между людьми разных возрастных категорий. Если раньше деньги, власть и влияние принадлежали «старшим», вызывая у молодежи протест, приправленный завистью, то компьютерная революция перевернула этот порядок.

Молодые владельцы новых фирм оперируют капиталами в сотни миллионов долларов и управляют тысячами сотрудников на всех континентах. Соответственно, их стиль, включая рэп, неформальную одежду и даже роликовые коньки, воцарился во многих коридорах корпоративных зданий. Как недавно писала газета деловых кругов «Уолл-Стрит Джорнэл», сегодня бабушки и дедушки копируют молодых и хотят, чтобы внуки обращались к ним по имени.

Похоже, разрыв поколений ушел в историю. Вернется ли он — в прежнем или новом обличье? Это вряд ли поддается прогнозам.

Подростки-«совы»: риск депрессии

Подростки, которые раньше ложатся спать, лучше защищены от депрессий и мыслей о самоубийстве, предполагают ученые. В исследовании медицинского центра Колумбийского университета, о котором сообщает Би-би-си, была изучена информация о 15 с половиной тысячах подростков, собранная в 1990-х годах. И оказалось, что каждый пятнадцатый страдает от депрессии. Выяснилось, что «совы», то есть те, кто ложился спать после полуночи, оказались на четверть больше подвержены депрессии, чем их сверстники-«жаворонки», отправляющиеся в постель до 10 вечера.

Как сообщает журнал «Сон», для тех, кто спал менее пяти часов в сутки, риск депрессии на 70 процентов выше, чем для тех, кто спит по восемь часов. В то же время оказалось, что мысли о самоубийстве посещали на 20 процентов больше «сов», чем «жаворонков».

Исследователи утверждают, что те, кто спал менее пяти часов в сутки, на 48 процентов больше подвержены риску самоубийства, чем их сверстники, спящие по восемь часов. И на 65 процентов меньше подвержены депрессии подростки, полагающие, что они высыпаются.

Депрессии и мысли о самоубийстве чаще встречаются у девочек, старших тинейджеров и подростков с заниженной оценкой родительского внимания.

Большая часть родителей требует, чтобы их дети-подростки ложились спать до десяти часов вечера. Выяснилось, что в среднем подростки спят 7 часов и 53 минуты, в то время как им рекомендуется ежедневный девятичасовой сон.

Джеймс Гэндвиш, руководитель группы, проводившей исследование, говорит, что недостаток сна воздействует на эмоциональные реакции мозга и приводит к появлению настроений, которые снижают способность противостоять ежедневно возникающим стрессам. Это может отрицательно сказаться на рассудительности, концентрации и вызвать импульсивность в действиях. «Адекватный качественный сон может стать предупредительной мерой против депрессии, может и лечить депрессию», — добавил он.

«Для того чтобы быть эмоционально здоровым, нужно высыпаться, есть здоровую пищу и регулярно заниматься физическими упражнениями. Около 80 тысяч детей и молодых людей в Великобритании страдают от депрессии, и мы все равно не можем обеспечить их поддержкой, помочь им справиться с нею и предотвратить ее, — говорит Сара Бреннан, руководитель организации, занимающейся психическим здоровьем. — Родителям надо давать информацию о том, куда обратиться за помощью, если их беспокоит состояние их детей-подростков. Это позволит предотвратить появление таких серьезных проблем, как депрессия».

Здоровый сон — здоровые нервы

Принцессы не сквернословят

Психологи установили, что сквернословие уродует психику человека и превращает красавиц в дурнушек. Доктор психологических наук Борис Алексеевич Сосновский к проблеме использования в нашей речи нецензурных выражений, а попросту мата, подошел с профессиональной точки зрения. Он разобрался, откуда взялся наш «безжалостный и беспощадный» мат и почему многие так часто его используют.

Профессор связывает мат с аффектом. Психологи знают, что это единственный вид переживаний, которым человек управлять не может, — недаром состояние аффекта является смягчающим обстоятельством в суде. За аффективной речью стоит мотив — острое, хотя и кратковременное переживание. Но у аффективной речи нет мысли. И Сосновский приводит процитированный gala.net пример: “Несу по улице вазу. Споткнулся. Ваза разбилась. Какие слова я скажу при этом?”

Это бы еще ничего — выругался и пошел дальше. Но нецензурная лексика невероятным образом влияет на психику. Происходит потеря личности, следствием чего является изменение отношения к самому себе. В случае женщин возникают пренебрежение к своему внешнему виду, потеря самокритики и ложная уверенность — у меня и так все отлично! А ведь нет: кожа огрубела, появились морщинки, волосы в неприглядном виде.

Говорят, часто матом ругаются дурнушки. Но, оказывается, это мат сделал их дурнушками. А начавшая говорить на нормальном английском Элиза Дулиттл из «Пигмалиона» стала красавицей. Девушкам не стоит ругаться — тогда прекрасный принц не заставит себя ждать.

Если ты принцесса, прекрасный принц не заставит себя ждать

Заразное одиночество

Известно, что одиночество связано с депрессией и другими проблемами физического и психического здоровья. Новое исследование установило, что одиночество передается от человека к человеку. Друг одинокого человека на 52 процента более подвержен чувству одиночества, а друг друга — на 25 процентов.

Более ранние наблюдения показали, что чувство счастья, ожирение и способность бросить курить также могут распространяться внутри социальных групп подобно инфекционным болезням. Исследования проводили ученые из Чикагского университета, Гарварда и Калифорнийского университета в Сан-Диего. (Результаты опубликованы в «Журнале личностной и общественной психологии».)

Исследование, проводившееся в штате Массачусетс, было начато в 1948 году с целью определить причины возникновения ишемической болезни сердца. На последнем этапе в нем приняли участие более пяти тысяч человек. Изучив историю дружеских отношений и жалоб испытуемых на чувство одиночества, ученые выявили связь между отсутствием близких друзей и заразностью одиночества. В ходе исследования также выяснилось, что одиночество легче распространяется среди женщин, чем среди мужчин.

В среднем человек испытывает чувство одиночества 48 дней в году. Исследователи определили, что обладатель одного одинокого друга чувствует себя одиноким на 17 дней больше. Однако с каждым новым другом количество «одиноких» дней в году уменьшается на два с половиной дня. Одинокие люди менее доверчивы, что, в свою очередь, влияет на их способность заводить друзей. Они также чаще оказываются отвергнутыми обществом.

Людям, оказавшимся в одиночестве, необходимо помогать восстанавливать социальную сеть, создав для этого «защитный барьер».

Одиночество — заразная болезнь

В бедах человечества виноваты младенцы?

Что-то, пишет в Известиях.Ру Татьяна Батенёва, происходит с большими учеными, — видимо, от закономерной возрастной утраты интереса к деторождению они все чаще винят в бедах человечества безвинных младенцев.

Статистики из Университета штата Орегон обвинили в росте глобального потепления американских младенцев. Дескать, они будут потреблять всё больше благ цивилизации, для чего им потребуется больше энергии, что, в свою очередь, увеличит вредные выбросы...

Престижный медицинский журнал «Ланцет» тоже ополчился на младенцев. Только на этот раз в развивающихся странах — их там рождается много больше, чем в западных. По оценкам авторов, из-за нехватки противозачаточных средств каждый год в развивающихся странах возникает 76 миллионов незапланированных беременностей. Именно эти «лишние» младенцы так истощают окружающую среду, что воды не хватает, а почву разъедает эрозия. Исчезают леса, поглощающие углекислый газ, плодородные земли превращаются в пустыню, а в целом на планете усиливается парниковый эффект.

Мысль о том, что неконтролируемое деторождение приведет рано или поздно к голоду и что остановить человечество на этом гибельном пути может только нравственное воздержание, была высказана еще в конце XVIII века. Всем известно имя Мальтуса, священника и демографа, — он первым забил тревогу. Хотя сам, между прочим, родил троих детей. (Впрочем, для того времени это было потомством малочисленным.)

Современные мальтузианцы нашли козлят отпущения. Остается только ответить на один простой вопрос: кто будет кормить их родителей, когда те состарятся, а сократившегося потомства не хватит на прокорм всех стариков? Может, все же лучше совершенствовать технологии, сокращать выбросы и вообще жить экономнее?

Так вот кто виноват во всех бедах!

Почерк выдаст обман

Сколько существует человечество, столько пытаются люди найти безошибочный способ распознавания лжи: банальные пытки, испытание водой, чтение мыслей, гипноз, наконец, полиграф. И все равно стопроцентного результата нет.

Психологам хорошо известно, что память человека живет в правом полушарии головного мозга, а фантазия, конструирование — в левом. На этом знании основано умение психологов подмечать, говорит человек правду или привирает. Для этого достаточно внимательно следить за его взглядом. Если, отвечая на вопрос, он заводит глаза в сторону «компетентного» полушария вправо и вверх (от вас влево и вверх), — скорее всего он придумывает, то есть говорит неправду. Если взгляд следует влево-вверх (от вас вправо-вверх), скорее всего человек вспоминает реальные события. Правда, при этом надо учитывать, не левша ли он, — у них движения глаз обратны.

А вот израильские ученые, как сообщает «Информнаука», предложили распознавать ложь с помощью графической экспертизы. Они использовали специальный электронный планшет, который измеряет все особенности процесса письма. Контролировать их сознательно для человека почти невозможно. Мы всегда пишем спонтанный текст с разной скоростью: то быстрее, то медленнее, то вообще останавливаемся, обдумывая следующее слово. По-разному нажимаем на карандаш, делаем штрихи на письме то размашистей, то аккуратнее. Ученые провели сотни экспериментов и обнаружили, что характеристики письма различаются в зависимости от того, что мы пишем, — правду или ложь.

Метод, по их мнению, способен заменить широко применяющийся детектор лжи, реагирующий на физиологические рефлексы, которые различаются в зависимости от того, говорит испытуемый правду или ложь. Но может работать также и в паре с ним — чтобы увеличить точность полученных сведений.

К сожалению, метод невозможно применить к малограмотным преступникам — они при письме испытывают такие физические муки, что их легко можно будет спутать с муками совести. А грамотные негодяи наверняка и тут придумают способ обмануть науку, как они умеют это делать с детектором лжи.

Н. П.
(по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

Фото Е. Боковой и В. Воронова

Гриша — ребёнок-катастрофа

Екатерина Мурашова

Екатерина Мурашова известна как один из лучших современных детских писателей. Обе ее повести для подростков, «Класс коррекции» и «Гвардия тревоги» (издательство «Самокат», 2007 и 2008 годы), были удостоены Национальной детской литературной премии «Заветная мечта» и оказались в центре внимания читателей и критиков. «Семья и школа» тоже писала об этих книгах, публиковалось в журнале и интервью с Екатериной Мурашовой. Возможно, немалую роль в успехе книг сыграл огромный и очень разнообразный жизненный опыт автора. Мурашова получила два высших образования (биологическое и психологическое), работала в зоопарке и цирке, объездила всю страну с научными экспедициями, занималась детьми из социально неблагополучных семей по программе «Врачи мира», была психологом в школе. Сейчас она — семейный психолог в одной из санкт-петербургских детских поликлиник. В издательстве «Самокат» готовится к выходу ее научно-популярная книга для родителей «Ваш непонятный ребенок», состоящая из историй, в основе которых — реальные случаи из практики автора. Вот одна из таких историй, публикуемая нами с любезного разрешения издательства.

В ответ на робкий стук в дверь я выглянула в коридор и увидела там троих людей. В том, что они родственники, не могло быть никаких сомнений: одинаковые, широко расставленные зеленые глаза, абсолютно прямые непокорные волосы, круглые головы, широкие плечи...

Ширококостная, сильная на вид старуха, моложавая женщина с печатью какой-то непонятной усталости на лице и синевой вокруг глаз и мальчишка лет шести-семи, склонивший набок растрепанную голову и глядящий на меня с лукавым видом.

— Гриша? — я заглянула в листочек самозаписи. — Проходите, пожалуйста...

— Я одна зайду, — торопливо сказала Гришина мама.

— Да заходите все, — предложила я. — Мы поговорим, а Гриша пока поиграет. У меня там игрушек много...

— Нет, нет! — с непонятным испугом вскрикнула молодая женщина. — Я зайду, а Гриша тут с бабушкой... побегает.

Я кивнула, а про себя подумала: что бы там ни было с ребенком, а с мамой явно не все в порядке. Этот ее испуг... Да и представить себе крестьянского вида бабушку, бегающую с внуком по коридору, я не могла ни при каком напряжении фантазии...

В кабинете мама слегка расслабилась, поерзала в кресле, усаживаясь поудобнее, застенчиво взглянула мне в глаза и тихо сказала:

— Я понимаю, доктор, что это нехорошо, но я уже больше так не могу. Иногда я думаю, пусть бы он больной был. Тогда бы я его жалела, ухаживала бы за ним... А так... Он же хороший вообще-то мальчик, и меня любит, а я... я иногда думаю: пусть бы его не было! Это же грех великий, доктор, так думать, правда?

— Да, конечно, — несколько смущенно подтвердила я, поскольку вообще-то как атеистка не могу мыслить категориями греха. Но и момент для уточнения дефиниций был явно неподходящий. — Расскажите поподробней, что именно тревожит вас на сегодняшний день...

— На сегодняшний день его выкинули из школы, — печально сообщила Гришина мама.

Далее мне было рассказано следующее.

Гриша родился долгожданным и заранее любимым ребенком. В большой квартире ему была заранее приготовлена и украшена кружевными занавесочками очаровательная кроватка; проглаженные с двух сторон пеленки, распашонки и чепчики стопками лежали на полках старинного бельевого шкафа; свекор и свекровь с нетерпением ждали внука, готовые ради него наконец-то примириться с «деревенской» невесткой. Счастливый отец, никого не стесняясь, плакал от радости, когда медсестра из роддома положила ему на руки сына — белоснежный кокон, перевязанный голубой лентой.

Дальше потекли будни. Гриша почти ничем не болел, развивался в соответствии со всеми нормами. Единственное огорчение состояло в том, что глаженые пеленки и распашонки как-то не уживались с ним рядом. Из пеленок он выползал ужом, оборочки сжевывал или рвал и почти всегда находился в кроватке голым поверх комка смятых и собранных в кучку простынок, пеленок и одеялец. Даже памперсы каким-то образом умудрялся снимать. А когда годовалый Гриша выбрался из кроватки — начался кошмар.

— Первые шаги ребенка — это ведь радость в доме, — рассказывала Гришина мама. — А у нас как? У нас он сразу пошел на кухню (раньше его туда не носили: чад, запахи — это вредно для ребенка), придвинул табуретку к плите и сдернул на себя кастрюлю с кипящим супом. Крик, неотложка, ожоговое отделение... Такое вот начало...

Дальше все продолжалось в том же духе. Сказать о Грише, что он рос подвижным ребенком — значит не сказать ничего. Не было ни одной вещи в доме, которая могла бы чувствовать себя в безопасности, когда Гриша бодрствовал. Он доставал дедушкино белье из ящика в комоде и надевал его себе на голову, он пускал в ванной кораблики из папиных деловых бумаг, он сделал грандиозный «бух!» из бабушкиной антикварной вазы. Два раза его увозили на неотложке с медикаментозным отравлением. (Второй раз он достал таблетки из внутреннего ящика дивана, куда спрятали аптечку после первого раза). Все члены семьи переводили дух только тогда, когда Гриша засыпал.

Ходили к врачам. Вызывали врачей на дом. Врачи выписывали успокаивающие травяные сборы и говорили: «Терпите!». Терпение свекра и свекрови лопнуло, когда Грише исполнилось три года и стало ясно, что надеяться больше не на что. Скрепя сердце они разменяли свою престижнейшую жилплощадь на Московском проспекте и выделили молодым хорошую двухкомнатную квартиру. «Ты понимаешь, какая это жертва с нашей стороны?» — спрашивали они у сына (но так, чтобы невестка тоже слышала). «Понимаю», — отвечал сын и глядел на жену с немым укором.

Образованные люди, они читали соответствующие книги. Там было написано, что воспитывать таких детей нужно внимательно и терпеливо, приучая их к труду и сосредоточенности. Они пытались, но Гриша ни на чем не мог сосредоточиться больше одной минуты. Он был готов начать любое дело, соглашался на любую игру, но тут же бросал ее, чтобы начать другую. Общительный и веселый, Гриша легко шел на контакт со сверстниками, но любые игры с его участием быстро превращались в бессмысленную беготню. Приглашенный на дом психолог сказал, что нужно использовать метод «кнута и пряника», а в качестве кнута порекомендовал наказание неподвижностью. Наказанный Гриша сидел на диване и корчил рожи ровно до той секунды, пока мама не отводила от него глаз. Как только это происходило, он тут же с быстротой молнии утекал куда-то для следующих проказ. Шлепки и даже побои не оказывали вообще никакого действия. Отвопив свое, Гриша никогда не унывал и не обижался, и ровно через пять минут после наказания мог подойти к матери и невинно спросить: «А теперь ты мне конфету дашь?».

Свекор как-то в шутку назвал Гришу «ребенок-катастрофа», и это прозвище настолько укрепилось за мальчиком, что даже он сам, когда его спрашивали: «Как тебя зовут?», отвечал: «Гришка-катастрофа».

В детском саду ни один ребенок не получал столько окриков, шлепков

и наказаний, сколько Гриша. Когда изредка ему случалось заболеть гриппом или простудой, воспитательницы говорили матери с умоляющими нотками в голосе: «Вы уж подержите его дома подольше. Подлечите как следует». Подтекст этих пожеланий просвечивал настолько явно, что матери становилось не по себе.

Одежда, игрушки и книги жили в Гришиных руках короткой, но яркой жизнью. Он ничего специально не рвал, не ломал, не пачкал и не терял. Все получалось само собой. Довольно часто терялся и сам Гриша. Стоило оставить его возле ларька, или заговорить с знакомой на улице, или отойти разменять деньги, и... от получаса до двух-трех часов лихорадочных метаний по соседним дворам и кварталам, звонки в справочную об автодорожных происшествиях и об увезенных скорой помощью. Два обращения в милицию. В одном случае Гришу в конце концов отыскал на чердаке вызванный с работы отец, в другом — торжествующе улыбающийся милиционер притащил разыскиваемого за шиворот. Пропажа была найдена в ближайшем казино, где люди восточной национальности предлагали Грише делать за них ставки, кормили его бутербродами с икрой, уверяли, что у мальчика счастливая рука, и предлагали милиционеру убедиться в этом самому. Уходить из казино Гриша очень не хотел, а милиционеру кричал: «Вы не имеете права!».

На лето Гришу отправляли к бабушке в деревню. Она прятала все городские одежки в сундук, одевала внука в сшитые за зиму на вырост две пары штанов и две рубахи из дерюги, и в этом немудреном облачении, босой, Гриша все лето носился где-то с деревенскими пацанами, приходя в избу только поесть да поспать. Хотя нельзя сказать, что в деревне обходилось совсем без происшествий. В возрасте четырех лет Гриша упал с обрыва в речку. Деревенские малыши в страхе разбежались, и лишь случайно проходившие мимо мужики спасли мальчику жизнь. Прошлым летом старшие ребята нашли в лесу неразорвавшийся снаряд времен войны. Как и следовало ожидать, именно Гриша вызвался положить снаряд в костер. К счастью, один из посвященных пацанов оказался ябедой и вовремя прибежал доложиться Гришиным бабушке с дедом. Спустя два дня снаряд взорвала на старом выгоне специально вызванная бригада саперов.

— Свечку поставьте за того пацана, что к вам прибежал, — сказал деду старшина. — Рвануло бы — даже клочков хоронить намаялись бы, собиравши.

Именно деревенская бабушка была вызвана на помощь изнемогающей дочери, когда подошло время отдавать Гришу в школу. Самоотверженная старуха бросила дом и скотину на мужа-инвалида («У папы еще с юности ноги нет — производственная травма») и поехала в город, воспитывать непутевого внука.

— Мама еще с ним как-то справляется. Он ее хоть слышит. Хотя иногда и она говорит: «Антонина, забери от меня своего, а то я его, не ровен час, пристукну чем-нибудь».

В школе все было плохо с самого начала.

— Он вообще-то и читать может бегло, и писать, и рисует иногда очень даже неплохо. Только не заканчивает ничего. И слова пропускает, когда читает, и буквы на письме. Но это все полбеды. Учительница мне сказала так: «Я лично против Гриши ничего не имею. Он, в сущности, хороший мальчик. И интеллект у него, судя по всему, в порядке. Но его пребывание в школе на сегодняшний день бессмысленно. Он совершенно не слышит меня на уроках, не воспринимает дисциплинарных требований, и к тому же отвлекает полкласса своими выходками. Либо переходите на домашнее обучение, либо подождите еще годик — может, дозреет. А нет — идите в спецшколу. Там маленькие классы, индивидуальный подход к каждому ребенку...»

На глазах у Гришиной мамы показались слезы.

— И вот я в тупике. Отдавать его в школу для умственно отсталых? Но он же не идиот, он же нормальный ребенок, я это знаю, и все это говорят. Домашнее обучение — это же ад на дому. Его же совершенно невозможно ничего заставить, ни на чем сосредоточить. Я так на школу надеялась! И потом — он общительный, ему нужно с ребятами быть, играть, бегать, общаться. Ему дома — как в тюрьме. Еще год ждать... А чего ждать-то? Что-то не видно, чтобы он в лучшую-то сторону менялся. С каждым годом все шкоднее и шкоднее...

И обстановка в семье с каждым годом становится все напряженней.

— Мой муж — прекрасный человек. Хороший специалист, много работает, хорошо зарабатывает. Сейчас у него своя строительная фирма. Он, конечно, старается не слушать, что родители говорят, но как же не слушать — мать, отец... Они говорят: вот, зачем женился на деревенской? Да какая я деревенская! Я пятнадцать лет в деревне жила, а семнадцать — в городе. Считайте сами. Сначала в училище училась, потом в институте, работала... Они думают, это у нас в деревне все такие. Да ерунда это! В деревне мальчишки пусть шкодные и необразованные, и матом ругаются, но как бы это сказать... вот — степенные, рассудительные, осторожные, смалу к труду приучены. По двору там, или в огороде, или на сенокос... Мама говорит: давай я его к себе совсем заберу. Пусть идет в деревенскую школу, она малокомплектная, авось выучат как-нибудь. А я иногда думаю — пускай! — и облегчение такое, а потом стыдно так. Как же я своего ребенка, да старой матери на руки. У нее и так — и скотина, и дом, и огород, и папа-инвалид. И жилье у меня

есть, и деньги, и муж хороший... Другие вон ночей не спят, все думают, какое бы образование своим детям получше дать, а я... куда бы его спихнуть. Какая же я мать после этого! И он сам уже говорит: «Я никому не нужен, отправляй меня в деревню! И в школу меня не берут! И бабушка с дедушкой говорят, чтобы ты меня надолго не привозила...». Ему обидно, он ничего плохого не хочет. Я же много детей хотела — двоих или троих. И муж тоже. Мама моя в колхозе надорвалась, после меня рожать не могла, а мне так хотелось братьев или сестер... В деревне ведь детей много. Я думала: у моих детей будут братья или сестры. И муж тоже был согласен. Говорил: всех прокормлю. А теперь — даже подумать страшно. А муж... я его люблю так... и хочу с ним быть... а он старается домой попозже прийти, чтоб не видеть всего этого. И мама моя... он вежливо с ней, конечно, но она же деревенская все же, иногда так скажет... мужа аж перекашивает всего. Но он понимает, что мне одной с Гришей не справиться, терпит пока... Он с ним пытался заниматься, как в книгах написано, читать там или

в конструктор... железную дорогу купили. Так он две минуты сидит, а потом начинает крутиться, в окно смотреть, спрашивать что-то невпопад, муж злится. А паровозики и вагончики он все по одному в детский сад перетаскал и там подарил кому-то, или стащили у него, или сам где-то забыл... Ничего не осталось... Ничего...

Искренне сочувствуя сидящей передо мной молодой женщине, на

Фото В. Воронова

глазах которой рушилось с таким трудом завоеванное ею счастье и благополучие (деревенская девочка, без всякой помощи и поддержки приехавшая в большой город, закончившая училище, институт, удачно вышедшая замуж — шутка ли все это? Ей было что терять, и она это понимала. Но с другой стороны, сын, ребенок...), я открыла тоненькую медицинскую карточку Гриши и сразу же в заключении невропатолога увидела слова, которые и ожидала увидеть после первых же слов Гришиной мамы: гиперкинетический (гипердинамический) синдром.

Итак, с чем же нам предстояло иметь дело?

Что такое гипердинамический синдром?

Данная группа поведенческих и эмоциональных расстройств проявляется обычно в очень раннем возрасте и характеризуется сочетанием чрезмерно активного, слабо модулируемого поведения с выраженной невнимательностью и отсутствием упорства в выполнении поставленных задач.

Причины, приводящие к подобным состояниям, точно пока не известны, но предполагается, что в основе гиперкинетического расстройства лежат микроорганические поражения головного мозга, которые вызваны либо внутриутробным кислородным голоданием плода, либо асфиксией плода в процессе родов, либо микрородовой травмой иного сорта. В этом случае в мозгу ребенка отсутствуют грубые органические повреждения, но есть множество микроповреждений коры и подкорковых структур. Часто такие нарушения подстерегают чрезмерно крупного или большеголового ребенка, ребенка, родившегося при затяжных или наоборот, стремительных родах.

Основные признаки гипердинамического синдрома — это проявляющаяся с самых первых месяцев жизни ребенка двигательная расторможенность и отвлекаемость внимания. Гиперкинетических детей в младенчестве буквально не удержать в руках. Позже они часто бывают безрассудны и импульсивны, с ними нередко происходят несчастные случаи, они всегда находятся в списках злостных нарушителей дисциплины, хотя делают все совершенно несознательно, не желая ничего плохого. Главными поведенческими характеристиками таких детей являются недостаточная настойчивость в деятельности, требующей когнитивных усилий, тенденция переходить от одного дела к другому, не завершая ни одного из них. Все это происходит на фоне чрезмерной, плохо организованной и слабо регулируемой активности.

С гиперкинетическими расстройствами часто сочетаются и другие нарушения, такие, как социально расторможенные отношения со взрослыми, отсутствие нормальной осторожности и сдержанности, неумение играть в структурированные игры в коллективе сверстников, специфические расстройства в моторном и речевом развитии, а также трудности в чтении или другие школьные проблемы. Позднее у таких детей сравнительно часто проявляется асоциальное поведение, заниженная самооценка и нарушения развития чувства собственного достоинства.

Гиперактивные дети чрезмерно (относительно календарного возраста) нетерпеливы. Они могут бегать или прыгать вокруг, есть стоя, вскакивать с места, когда полагается сидеть, шуметь или болтать, когда надо соблюдать тишину.

Гипердинамичные дети не ходят, а бегают, доказывая что-то, не говорят, а кричат.

Они никогда не унывают, легко переносят наказания, поссорившись с кем-то, тут же идут мириться, легко дают всевозможные обещания и клятвы и также легко их нарушают.

У таких детей много приятелей и знакомых, поскольку они очень контактны и общительны, но, как правило, у них с большим трудом складываются более глубокие и прочные дружеские отношения.

Родители, а впоследствии и воспитатели и учителя, безмерно устают от гипердинамичных детей, так как своими постоянными проказами и проступками они способны вывести из терпения кого угодно. Их постоянно одергивают, стыдят, воспитывают, но все это как бы пролетает мимо их ушей. Ребенок вроде бы все понимает и искренне раскаивается в совершенном, обещает, что больше не будет и... буквально через пять минут все повторяется сначала.

Пик проявлений гипердинамического синдрома приходится на 5–7 лет, и именно в этом возрасте окружающим ребенка людям начинает казаться, что он в принципе невоспитуем...

Как часто это встречается?

Гипердинамический синдром — это один из самых распространенных вариантов проявления минимальной мозговой дисфункции (ММД). Согласно данным статистики, ММД встречается у каждого пятого-шестого ребенка, рождающегося сегодня в нашей стране.

Практически в каждом первом классе любой произвольно взятой школы есть один-два-три ребенка с отчетливыми проявлениями гипердинамического синдрома. Это они сползают под парту во время уроков, устраивают кучу-малу на перемене, это они забывают где попало свой портфель и почти каждый день теряют ручки, карандаши и ластики. Это их голова всегда повернута в сторону окна или соседа и почти никогда — в сторону доски. Это их так любят ругать на родительских собраниях, произнося в заключение сакраментальную фразу: «Мог бы вполне неплохо учиться, если бы так не отвлекался!».

Таким образом, не особенно греша против истины, можно сказать, что на пятнадцать-двадцать малышей предшкольного возраста обязательно придется один ребенок с признаками гиперкинетического расстройства.

Кроме того, необходимо отметить, что у девочек данное расстройство встречается в три-четыре раза реже, чем у мальчиков.

(Продолжение следует)

Грех жаловаться

Александра Гордон

Справедливость пословицы «Стоит как следует у Бога попросить, и всё получится» я ощущала на себе не раз. Но вот место, где мой сын, аутист, мог полноценно заниматься, мне пришлось искать долго. И в специальную (коррекционную) начальную школу — детский сад он поступил, к сожалению, не тогда, когда я узнала о нем.

Помню свой первый разговор по телефону с кем-то из сотрудников сада: нежный душевный голос рассказывал мне о тех возможностях, которые могут открыться перед сыном, если он пройдет комиссию. В ответ на печальный рассказ о моей семейной ситуации (трое детей, да еще каких!) я услышала совершенно удивительный и никогда не слышанный ни раньше, ни потом ответ: «Любые дети — это счастье». Лишь через два года после этого разговора Гриша попал в лекотеку этого сада. (*Лекотека — это такая новая форма дошкольного образования. Она предполагает регулярные бесплатные индивидуальные занятия для детей, которые по состоянию здоровья не могут посещать другие дошкольные учреждения.)*

Было всякое: и бессонные ночи, и приступы отчаянья. Но стоило Грише позаниматься месяц в лекотеке, как я поняла: толк обязательно будет. Казалось бы, в Москве немало центров, занимающихся с детьми-аутистами. Но они за редким исключением ориентированы не только на терпеливых, продвинутых и, самое главное, выносливых родителей, но и, что греха таить, на перспективных и доступных для общения детей. В нашем саду всё иначе.

Государственное образовательное учреждение № 1708 — это гибкая многоуровневая система, включающая в себя раннюю помощь, лекотеку, группы кратковременного пребывания, двенадцатичасовой и круглосуточный сад, начальную и среднюю школу. Структура учреждения, позволяющая принимать детей с самыми разнообразными нарушениями развития от двух месяцев до двенадцати лет, на мой взгляд, больше соответствует современному спектру родительских запросов и возможностей. Конечно, без постоянных и систематических занятий с родителями не может состояться не то что гармоничная, но даже просто приспособленная к жизни личность. В то же время здесь понимают, что большинство родителей поставлены в условия жесткой профессиональной конкуренции и просто не могут создать специальные условия для своих детей. Устойчивый распорядок дня, отсутствие родительской опеки приучают детей к самостоятельности, побуждают их тянуться за более сильными сверстниками.

Казалось бы, основная задача сада — подготовить к обычной средней школе детей с ярко выраженной патологией, тех, чью речь трудно и даже невозможно понять. Между тем во всех отделениях кроме детей с мало заметными для неспециалистов особенностями встречаются крайне тяжелые дети. В раннее отделение привозят со всех концов Москвы детей с двух месяцев, не только с гидроцефалией (дело обычное), но и недоношенных, с серьезными родовыми травмами, генетическими нарушениями. В лекотеку для детей с ограниченными физическими и психическими возможностями не боятся брать детей с тяжелыми формами диабета и эпилепсией. Это было бы невозможно без постоянного дежурства заместителя директора сада, опытного невропатолога Людмилы Степановны Ореховой, детского кардиолога Натальи Климовны Ореховой, психиатра Инны Александровны Шашковой.

И двенадцатичасовой, и круглосуточный сад, и даже начальная школа принимают помимо тех, чья речь просто оставляет желать лучшего, детей с явными проблемами поведения, задержкой психического развития, аутистическими чертами. Именно для них проводятся индивидуальные ежедневные занятия с дефектологом, психологом, логопедом и даже с логоритмистом, арттерапевтом, игротерапевтом. Для таких детей создаются специальные группы и классы от двух до пяти человек, в которых с каждым ребенком работают по специально составленной коррекционной программе. При этом каждую группу или класс курирует свой логопед, психолог, дефектолог. Развивающие занятия с детьми продолжаются даже на прогулке.

С этого года в лекотеке и отделении ранней помощи начинаются занятия на специальных прогулочных площадках. Они будут проходить в закрытом помещении со всеми удобствами, горками, лабиринтом и «сухим бассейном», куда дети могут свободно прыгать, и на свежем воздухе под руководством учителя физкультуры. Участвовать в них будут воспитатели вместе с родителями и детьми.

Очень важно помочь родителям особых детей осознать свое психологическое состояние. Для этого в лекотеке проводится немало лекций, семинаров, групповых занятий. Люди разных возрастов и судеб делятся друг с другом опытом. Конечно, родителей, сумевших благодаря своей энергии, уму и удаче разумно и счастливо устроить жизнь, мало. И все же далеко не для всех рождение «особого» ребенка стало непосильным испытанием. Для многих молодых родителей помощь больному ребенку естественным образом стала смыслом жизни, очередным этапом взросления. Некоторые их высказывания удивляют своей внутренней зрелостью. «Страшно не то, что мама не может ответить двухлетнему ребенку, где его папа, а что такого вопроса нет и в пять лет», — врезалось мне в память признание одной из мам на таком семинаре… Вообще, когда вечером перед лекцией или семинаром попадаешь в раздевалку лекотеки, кажется, что ты пришел на проходящий с аншлагом спектакль.

Психологические тренинги помогают родителям выстраивать различные модели взаимодействия с особыми детьми, от совершенно авторитарных, по

принципу «смотри, делай», до исключительно партнерских, когда из огромного количества собранных ребенком в «самолет» игрушек родителю надо за считаные секунды выбрать лишь те, что помогут продолжению игры. Недавно научный консультант Галина Александровна Толмачева рассказывала нам об интегративной системе образования в Европе и даже предлагала выбрать модель, наиболее подходящую для России.

цы начинают сближаться друг с другом, двигаться в разные стороны, и у новорожденного зайца появляются туловище, головка, ножки и даже крошечные глазки. Конечно, где-нибудь на отдыхе посреди яблоневого сада или вблизи Кавказских гор я тоже могла бы увлечься сочетанием на листе бумаги различных материалов, дополнить рисунок лепкой, дорисовать аппликацию… Но поменять во время одного занятия пять-шесть техник (сегодня карандашами, мелками,

Надо сказать, что различные способы интеграции используются в самом саду. И в группе кратковременного пребывания, и в лекотеке, где наряду с индивидуальными занятиями существуют еще групповые («пестушки»). В саду, да, собственно говоря, и в школе, в обычную группу из двенадцати человек попадают двое-трое особенно тяжелых ребят, и даже те, кто находятся в специальном классе, вторую половину дня проводят со своими более продвинутыми сверстниками. Не знаю, можно ли придумать что-нибудь разумнее.

Участие, а точнее говоря, соучастие сотрудников сада в проблемах моего ребенка безгранично. Известно, как дети-аутисты, замкнутые в себе и в то же время неизменно готовые к общению (таков наш Гриша), ценят тактильный контакт. Но не все родители, которым за сорок, готовы подбрасывать и ловить своего отпрыска-переростка (Гриша в свои неполные семь смотрится хорошо за восемь). А молодые преподаватели-мужчины Степан Викторович Завалишин и Сергей Викторович Лебедев делают это с готовностью всегда. Более того, они радуются, что Гриша постоянно подходит к ним и жестами выражает свою просьбу. Когда Гриша приходил в центр невыспавшимся и расстроенным, Ирина Владимировна Козлова (педагог продуктивной деятельности, социальный педагог) вела его в игровую, сажала в специальное мягкое кресло, погружала в «сухой бассейн», сажала к себе на колени, раскачивала (о, раскованные современные педагоги!) и делала с ним перед зеркалом забавные физические упражнения. А потом уже начинала заниматься. Первое время при виде мольберта (или даже просто рабочего стола) Гриша принимался плакать и кричать. Но вот у меня на глазах вслед за нарисованным Ириной Владимировной деревом на мольберте появляются желтые листочки, и теперь уже рисующий капельки дождя Гриша повторяет за ней: «Кап, кап». Перед тем как дать Грише пластилин, Ирина Владимировна разминает и согревает его в своих ладонях, и постепенно мой не слишком сообразительный мальчик перестает реагировать на пластилин как на очередное лакомство, его паль-

фломастерами и красками учимся рисовать помидор и огурец — овал и круг), чередовать изобразительную деятельность с игрой (прежде чем будет обведена скачущая через мостик лошадка, она промчится по столу и Гришиной руке) — такое мне не под силу. Чтобы научить Гришу отличить квадрат от круга, Татьяна Всеволодовна Понятская придумала совершенно замечательную, похожую на футбол игру: если шар прокатывается сквозь сделанные из деревянных прямоугольников небольшие воротца, квадрат служит для них лишь строительным материалом. Меня всегда поражало, как у молодых преподавателей хватает силы духа не только не впасть в отчаяние при виде бесконечных Гришиных провалов, но и поддержать меня. Пусть в начале занятия квадраты и треугольники беспорядочно передвигаются по доске, мозаика разлетается в разные стороны, а предназначенные мишке каштаны методично сбрасываются с ложки. Но во что бы то ни стало подход к мальчику здесь и сейчас будет найден, и мы вместе будем бесконечно радоваться хотя бы одному, а тем более двум выполненным заданиям. И, видя такое отношение, мой внешне индифферентный ко всему, ленивый, расторможенный мальчик тоже начинает стараться — собирает и разбирает матрешку (а ведь все мои попытки приобщить Гришу к этому интересному занятию в течение многих лет были безуспешными), внимательно складывает квадраты и треугольники из нескольких частей, даже собирает бусы из маленьких деревянных фигурок.

На моих глазах некоторые ребята отнюдь не раннего возраста начали говорить и по-настоящему рисовать. Так что сотрудникам лекотеки было что обсудить с психологом-дефектологом Ольгой Петровной Гаврилушкиной. И, хотя глава и инициатор создания трех отделений (лекотеки, ранней помощи и группы кратковременного пребывания) Тамара Никифоровна Новикова считает, что процветанию сада способствуют высшие силы, я думаю, просто наступило время, когда без такого учреждения московское сообщество жить уже не смогло. А ведь такие сады нужны по всей России…

Вячеслав Иванов:
Почему надо заниматься наукой?

В предыдущем номере журнала была напечатана первая часть лекции «Почему надо заниматься наукой?», которую Вячеслав Всеволодович Иванов прочитал для молодежи во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы. Во вступительном слове перед лекцией директор библиотеки Екатерина Гениева сказала, что завидует тем, кто услышит этого удивительного человека — ученого мировой величины, выдающегося деятеля культуры, мыслителя, исследователя, поэта.

Отвечая на вопрос, поставленный в названии лекции, В. В. Иванов объяснил: наукой и техникой нужно заниматься потому, что **без этого мы не можем обеспечить развитие экономики, не можем дальше разумным образом строить свою жизнь.**

...А теперь второй вопрос: в какой момент истории мы с вами здесь, на Земле, оказались? Что вообще в самом широком смысле происходит с человечеством? Помимо частных пределов, о которых я говорил. 25 и 25 лет — это в масштабах всемирной истории маленькие цифры, а что в широком смысле? Где мы с вами оказались? У меня есть на это ответ, который принадлежит не мне, а на этот раз не одному, а двум великим ученым.

Имя одного из них вы хорошо знаете — это наш академик, геолог, геохимик Вернадский, а второй ученый — французский палеонтолог Тейяр де Шарден. Это замечательная личность. Вернадский работал с его учеником, оказавшись в такой полуэмиграции во Франции в начале 20-х годов. Его тогда преследовали за то, что он, как и Кондратьев, был членом Временного правительства, поэтому он на некоторое время уехал во Францию, и там благодаря общению с учеником Тейяра де Шардена была выработана теория, которую я вам сейчас очень кратко изложу, — это теория вхождения человечества в Ноосферу.

Ноо — от греческого *нус*, что означает «разум». Значит, Ноосфера — это, иначе говоря, сфера разума. Вернадский как геолог знал, что когда изучаешь Землю, то первым делом сталкиваешься с необходимостью описания Геосферы, то есть тех химических элементов, из которых состоит земная кора, то, на чем мы все живем, оболочка Земли. Но эта оболочка имеет одну замечательную особенность, которая отличает Землю от многих других астральных тел в космосе: над геологическими элементами есть надстройка в виде жизни, которую можно назвать Биосферой, сферой жизни. Сюда включаются разного рода микроорганизмы (как мы сейчас знаем, это не только различные микробы, бактерии, но и так называемые архебактерии — недавно обнаруженный особый вид живых существ, которые могут быть и на других планетах, приспосабливаться к разным, самым сложным физическим условиям), растения, животные, кончая приматами, одним из родов животных, который в своей эволюции породил человечество.

Что происходит дальше? Эволюция Геосферы приводит к образованию Биосферы, а она приводит к возникновению сферы разума людей, которые постепенно создают науку, искусство и разные виды того, что в общем виде можно назвать духовной деятельностью. Это то, что переживает все человечество в целом.

Здесь возникают некоторые проблемы. Конечно, очень хорошо, что за Геосферой последовала Биосфера, за Биосферой — сфера разума; все это выглядит очень красиво. Но на самом деле (я уже упоминал о таких мрачных фактах) многие изобретатели и ученые, которые помогли развитию не только науки и техники, но и экономики, не так уж благополучно и благоприятно прожили свою жизнь. Есть масса трудностей на пути к Ноосфере. Правильна, конечно, общая идея Вернадского и Тейяра де Шардена, что мы в этом направлении движемся, но это не совершенно простой процесс, бывают периоды довольно большого спада, движения вспять. Вы знаете, что, скажем, в Средние века были забыты многие достижения греческой науки. Один очень крупный ученый, руководитель большого атомного проекта в нашей стране академик Харитон как-то спросил меня: «Вот вы занимаетесь историей науки, скажите, правда ли, что уже в Древней Греции была известна идея, которую мы знаем как идею Коперника, о том, что Солнце — центр солнечной системы?» Да, действительно, эта идея была высказана в Древней Греции, но потребовалось много времени, чтобы оценить ее. И чтобы люди, которые высказывали подобные, для того времени абсолютно еретические идеи, не подвергались гонениям. Вот один очень интересный и о многом говорящий эпизод. Один из наших крупнейших математиков академик Арнольд как-то раз был приглашен встретиться с Папой Римским, не теперешним, а предыдущим, который был довольно известным либеральным деятелем. Среди прочего Папа сказал Арнольду: «У нас создана Папская академия. Вы член многих академий мира. Не могли ли бы вы также согласиться стать и членом нашей?»

Арнольд ему ответил: «Я охотно стал бы, но, понимаете, какая трудность: вот Галилей, великий италь-

янский ученый, высказал ряд идей, в частности связанных с теорией Коперника о Солнце как центре, вокруг которого вращаются планеты, и был вынужден публично отказаться от них и покаяться. Церковь тогда его осудила и только сравнительно недавно реабилитировала и сказала, что он был прав. Но вот что меня останавливает: в свое время был сожжен и до сих пор не реабилитирован другой крупный ученый, Джордано Бруно, который утверждал, что существует много миров и часть из них обитаемы, как наш». Папа его выслушал и сказал: «То, что утверждал Галилей, доказано современной физикой, а наличие обитаемых миров остается дискуссионным, поэтому пока католическая церковь не признает, что Джордано Бруно неправильно сожгли». Ну, Арнольд так и не попал в Папскую академию. Это показывает, что есть силы на Земле, которые не очень хотят согласиться с движением в сторону Ноосферы. Движение это необходимо, но очень трудно.

Надо заниматься наукой не только потому, что мы благодаря ей выходим из кризисов, но еще и потому, что это шаг в сторону победы разума. Но при этом надо помнить, что это не совсем безопасное занятие

Итак, вот второй ответ на вопрос, почему надо заниматься наукой. Не только потому, что мы благодаря ей выходим из всех кризисов, но еще и потому, что это шаг в сторону полной победы разума. Но при этом надо помнить, что это не совсем безопасное занятие, что вы кое-чем рискуете, если серьезно занимаетесь наукой.

Третий вопрос — совсем коротко.

Третье, о чем я обещал сказать, касается уже личности каждого из нас, каждого из тех, перед кем может возникнуть вопрос, стоит ли заниматься наукой и зачем... Мой собственный ответ, может быть, очень субъективен, я не уверен, что все ученые ответят так же и все со мной будут согласны. Но кое-кто, вероятно, согласится, и не только ученые. Мой ответ связан с представлением о роли красоты. Я вообще думаю, что многое из того, что мы с вами делаем в жизни, прямо или косвенно связано с представлением о красоте. Я имею в виду красоту в самых разных формах: это и красота того, что мы видим (прекрасные люди, здания, прекрасные человеческие лица, произведения искусства) или слышим (прекрасная музыка). Все это нам важно и нужно; я думаю, трудно весело и легко прожить жизнь, не испытывая часто удовольствия от того, что читаешь хорошие стихи, или слушаешь хорошую музыку, или видишь замечательную картину.

Но какое все это имеет отношение к науке? Я думаю, самое прямое. Многие из вас могут задуматься: как то, что я вам сейчас скажу, связано с вашим собственным жизненным опытом. Те, кто еще учится в школе, могут подумать о своих школьных занятиях, кто постарше — о своих университетских или более поздних научных чтениях. Так вот, мне кажется, то ощущение чего-то необычайного, что связано с наукой, как правило, того же рода, что когда вы слушаете хорошую музыку или видите замечательную картину. Самое основное — это переживание красоты построения, поэтому, я думаю, такая важная наука математика. Вот почему математикой стоит заниматься? Конечно, она имеет множество разных приложений. Сейчас почти нет продвинутых областей науки, — я имею в виду не только естественные науки, как, скажем, физика, которая в современном виде целиком строится на далеко идущем применении математики, но также и науки, которые начинаются как гуманитарные, а потом оказывается, что красивые построения в них все-таки математические, — нет областей, где бы математика не применялась. Я вам приводил схему циклов по Кондратьеву, она построена по простым математическим законам и производит впечатление именно потому, что в ней есть то, что особенно бросается в глаза и что, возможно, даже покажется вам простым. Это наличие симметрии, симметрических отношений. Это вообще очень интересная проблема, не хочу перегружать вас ссылками на научную литературу. Думаю, что вам легко достать многочисленные сейчас переиздания книг Кондратьева, книгу Тейяра де Шардена «Феномен человека», что-то из работ Вернадского, где будет изложена его теория Ноосферы. Но что я очень советовал бы вам почитать по поводу красоты и ее связи с наукой, так это замечательную маленькую книгу — она переведена на русский — великого математика Германа Вейля «Симметрия». Это собрание лекций, которые он прочитал для широкой публики, о роли симметрии в искусстве, науке и т. д.

Почему я предлагаю рассмотреть симметрию? По нескольким причинам. Во-первых, симметрические отношения — самое простое, что природа нам позволяет узнать уже в раннем детстве. Мы все, нормальные люди, устроены симметрическим образом, у нас две симметричные руки, ноги, два глаза. То есть человек сам, как многие живые существа, устроен симметрично. Мы наслаждаемся, наблюдая симметрию в растениях, особенно в цветках. Оказывается, современная наука во все большей степени вовлечена в изучение симметрических отношений. Не буду вас затруднять подробностями, при желании вы можете об этом прочесть, есть большая популярная литература на эту тему. Скажу только, что одно из основных достижений современной физики, начиная с Эйнштейна, заключалось в том, что математические понятия, которыми пользуется физика, основаны на симметрии или на ее нарушениях. Если мы интересуемся симметрией, очень интересно и то, как симметрия нарушается. Опять я начну с человека и скажу о вещах, которые кажутся азбучными, но на самом деле безумно интересны. У большинства из нас основная рука правая, но среди тех, кто сидит в зале, наверняка есть некоторое количество левшей, у которых главная рука — левая, что связано с функциями полушарий головного мозга. Большинство имеют склонность использовать свое левое полушарие для родного языка, для решения математических задач,

а правое полушарие нужно для живописи, музыки, образов искусства, для понимания красоты. Это асимметрия, нарушение совсем симметричных, равных отношений. Но асимметрия тоже оказывается тем, что создает явление, — формулировка не моя, а великого физика Кюри, это он сказал, что асимметрия творит явления. В этом одна из загадок современного искусства. Если вас интересует авангард, современное искусство, задумайтесь над тем, в какой степени оно стремится представить нам асимметрические, неравновесные отношения в мире. Классическое искусство — это искусство гармонии. Вспомним классическую музыку. Музыка же крупных современных композиторов в значительной мере строится на диссонансах, нарушении гармонии, асимметрии. Когда какое-то явление используется как бы в обратном смысле, мы стараемся оценить не только гармонию, но и дисгармонию, это показывает нам роль того и другого.

Так вот, я думаю, что одно из важнейших свойств науки, начиная с математики, но и всех других наук, в той или иной мере проникнутых математическими идеями, в той или иной мере построенных как системы, — это огромная красота, которая в них есть.

Образование отстает от достижений науки и от возможностей каждого. На самом деле можно сейчас обучить всех всему. С моей точки зрения, нужно раньше начинать обучение, быстрыми темпами его вести

В заключение скажу об одной подробности истории науки, которую не всегда излагают на уроках химии, а я бы с этого начинал курс химии. Одно из величайших открытий в химии — периодическая система Менделеева. А знаете, как Менделеев пришел к этой системе? Она ему приснилась. Я думаю, это замечательный факт, потому что наши сны тоже склонны показывать нам что-то необычайно красивое, чего мы не видим в реальной жизни, хотя стремимся к этому. Сны дополняют нас до способности увидеть немыслимую красоту. Я думаю, Менделеев ее увидел. Таким образом, мой гимн науке заключается гимном красоте и роли красоты в нашей жизни.

Из ответов на вопросы слушателей

— Что именно вы понимаете под окончательной победой разума над мракобесием?

— Как говорят сейчас в мире, хороший вопрос. Я вам, прежде всего, скажу, что на эту тему думал Тейяр де Шарден. Он, как вы уже знаете, был хорошим палеонтологом, раскопал синантропа, предка человека, который жил на территории Китая, но помимо того, он был иезуитом — кстати, орден иезуитов с ним довольно плохо обращался и всячески ему мешал, — и думал, что наша интеллектуальная жизнь когда-то в истории человечества началась с первых мыслительных открытий, которые он условно обозначал первой буквой греческого алфавита альфой, а движемся мы по направлению к той точке, которую он символизировал последней буквой греческого алфавита омегой. Омега — это такое состояние человечества, которое предполагает полную победу разума. Что означает полная победа разума? Думаю, что она означает все-таки прежде всего разумное построение общества. В этом смысле я сторонник разного рода утопий. Их много, на протяжении истории было много попыток построить утопические общества. Не все они оказались удачными, но кое-что по пути к этому все же было сделано. Я думаю, что мы в конце концов к этому приходим, но это очень долгий и очень тяжелый путь.

— Ноосфера — сфера деятельности разума. Имеется ли при этом в виду вся информация, которую мы, человечество, продуцируем, например, всё в Интернете? Есть ли опасность взрыва, кризиса в этой сфере?

— Есть очень интересные расчеты, которые этого касаются. Здесь как раз мы вступаем в область высчитываемого. Многие могут со мной не согласиться, но я полагаю, что одно из главных открытий, сделанных в XX веке, это математическая теория информации. Она сейчас развивается, создается ее продолжение, квантовая теория информации. Так или иначе, это гигантское открытие, потому что оно дает возможность подсчитывать все то, что мы создаем в ноосфере, что действительно полезно для нашей мысли, для будущего человечества. Самый главный результат, который пока что получен разными науками и который мне кажется потрясающе важным... я только не хочу, чтобы вы это поняли как некоторую попытку навязать каждому из вас что-то, что вам кажется лишним, — знание ведь может быть лишним... так вот, я бы изложил этот результат следующим образом. Сосчитано примерно общее количество информации, выработанной на сегодняшний день на Земле в результате деятельности разных цивилизаций; ну, скажем, это учитывает всю информацию, которая содержится в разных библиотеках мира. Это вполне доступно современной математической теории, созданной нашим математиком Колмогоровым, с которым я одно время вместе работал, и американским математиком и инженером Шенноном; это количество приблизительно соответствует возможностям одного человеческого мозга. То есть один человек теоретически, в принципе, может знать все, что до сих пор придумало и узнало человечество. Вы можете спросить: а почему же так мало непосредственных примеров? Ну, есть примеры, вот про Аристотеля можно с уверенностью сказать, что он не только знал все, что знали греки в его время, но и успел за свою не очень долгую жизнь все это записать, его сочинения, по-видимому, дают нам полное представление обо всем, что знало тогда человечество. Как-то Колмогоров привел мне такой пример в этой связи. «Сейчас историки математики, — сказал он, — очень любят говорить, что великий итальянский математик Тарта-

лья, живший несколько веков назад, знал всю математику своего времени. Это так, но всю эту математику у нас знает девятиклассник». Я все время повторяю, что наше образование отстает от достижений современной науки и от возможностей каждого учащегося. На самом деле можно сейчас обучить, грубо говоря, всех всему. С моей точки зрения, нужно раньше начинать обучение, быстрыми темпами его вести. Поскольку есть компьютеры, которые все запоминают и отменяют необходимость перегружать память, большая часть того, что заставляют учить, всякие исторические и литературные даты, — все это не нужно знать, а принципами мышления все могут овладеть.

— А что, если красота и разум как ценности вошли в противоречие? Например, когда влюбленные делают большие красивые глупости. Как решить, что важнее?

— Это тоже замечательный вопрос. Я думаю, каждый из нас рано или поздно в жизни с этим сталкивается. Мне представляется, что критерий красоты для разума очень важен. И я не уверен в том, что критерий разумности очень важен для обнаружения красоты. Когда вы слушаете музыку или читаете стихи, я не убежден в том, что вы должны что-то обязательно узнавать интеллектуально существенное. Но обратное для меня несомненно: не существует таких красивых мыслей, таких красивых построений в науке, которые мы не могли бы оценить эстетически. Я думаю все-таки, что эстетический критерий в жизни играет и должен играть огромную роль. Некоторые мои претензии к современности... я прожил длинную жизнь, и, если б я вам сказал, что не имею никаких претензий, вы бы просто не поверили... некоторые мои претензии касаются недостатка внимания к красоте как таковой. Вот почему мне не нравится, скажем, многое в нашем телевидении. Мне нет дела до того, как часто показывают Путина, — кому-то это не нравится, можно не смотреть, но очень существенно то, что вообще много безобразия показывается. Безобразия, которого и без того хватает в жизни. Я много времени прожил в Америке, читая лекции, и у меня бывали такие случаи, что я по телевизору смотрю, как горит машина, и не понимаю, то ли это современный фильм, где поджигают машину, то ли машину поджигают на улице, что я сам много раз видел, главным образом в Лос-Анджелесе. Мне достаточно, что это есть в жизни, зачем мне это безобразие или кровь, которая потоками течет, еще подают в виде искусства, хотя это совсем не искусство!

**Научить можно многому.
В каком смысле научить?
Способность эстетической оценки разного рода вещей в науке, в жизни, в искусстве, в людях в нас заложена, но можно научиться ее раскрывать, или можно ее подавлять**

— Можно ли научить переживать красоту построения?

— Думаю, да, я вообще склонен думать, что научить можно очень многому. В каком смысле научить? Способность эстетической оценки разного рода вещей в науке, в жизни, в искусстве, в людях в нас заложена, но можно научиться ее раскрывать, или можно ее подавлять. Боюсь, что современная школа и даже отчасти университет недостаточным вниманием к эстетическому критерию как-то мешают этому развитию.

— Вы говорили о том, что можно начинать обучение раньше, чтобы успеть научить человека многим красивым вещам, данным нам наукой. Школа начинается в семь лет. Человек не способен оценить красоту даже простейших теорем лет в среднем до двенадцати. Как же можно начинать обучение раньше?

— Это вопрос, вероятно, вполне разрешимый, и решать это надо экспериментально. В свое время меня интересовал вопрос, на который я просил моих друзей, специалистов по Китаю, ответить: как рано в Китае люди начинают эстетически ценным образом использовать иероглифы? По моей просьбе просмотрели словарь старинных китайских поэтов, и оказалось, что есть такие поэты, которые в восемь лет сочиняли и записывали неплохие стихи иероглифами. Значит, они достаточно овладели иероглификой, а ведь это такая область, где красота — в самих начертаниях, комбинациях знаков и т. д. Я думаю, что это очень индивидуально. У многих детей способности понимания красоты проявляются больше в искусстве, больше в том, что связано с правым полушарием. Конечно, прежде всего я имею в виду ранние музыкальные способности, но это касается и некоторых способностей к изобразительному, а отчасти и к словесному искусству. Надо изучать одаренных детей, понимая, что у детей есть самые разные способности. У меня был знакомый, который занимался детским аутизмом, и у него была целая коллекция рисунков детей-аутистов. Это дети, для которых по разным причинам затруднено словесное, устное общение, но они могут делать очень интересные композиции в рисунках.

— Что вы думаете о судьбе русского языка?

— Я склонен думать, что судьба русского языка в большой степени зависит от судьбы России. Некоторые из вас в записках пытались провести грань между материальной стороной жизни и гуманитарной, а я думаю, что судьба русского языка в очень большой степени зависит от экономической стороны жизни в России. Не буду сейчас подробно об этом говорить, но есть достаточно много оснований считать, что на самом деле разные стороны жизни очень тесно связаны. Нас приучили разделять материальное и нематериальное — по-моему, это дурное наследие советского времени, так же, как и неправильное отношение к тому, что такое разум.

Мне профессию выбирать, а я боюсь, что…

Ко мне на консультацию пришла молодая женщина. Олесе 26 лет. Она искала себя и всё не находила. Говорит: ничего не хочу, ничего про себя не понимаю, ни к чему не способна. Выяснилось, что ее мама и сестра — ветеринары. Сама Олеся всей душой любила собак. Олеся не решилась поступать в ветеринарную академию — побоялась экзамена по химии. Так она отвернулась от любимой темы; но тема не отпускала от себя и не давала полюбить что-то другое.

Почему Олеся не пожелала в свое время как следует овладеть химией — вопрос отдельный. (Не верила в свои возможности? Слишком запущено было у нее в школе с этим предметом?) Вникать в это было поздно. И зачем? Олеся уже не хотела быть врачом-ветеринаром. А вот собак она по-прежнему любит. И мы придумали ей профессию кинолога, собаковода.

Говорят: есть два важных дела в жизни — выбор профессии и выбор спутника жизни. Делая выбор, люди, конечно, боятся ошибиться, осторожничают. И это понятно: в важном деле лучше не ошибаться. Однако из-за боязни ошибиться человек может сделать ложный выбор, пойти неверным путем.

Вот какие страхи я наблюдаю у выбирающих профессию молодых людей.

1. «Я плохо знаю математику и не сдам ее».

Этот страх понять можно. Что стоит за ним? Нет настоящего влечения к профессии, требующей знания математики; математика — препятствие, которое можно преодолеть серьезными усилиями, но для этого влечение к профессии должно быть по-настоящему сильным, стать мечтой, ради осуществления которой стоит потрудиться… Или «плохо знаю математику» — просто слова, своего рода уловка, способ увернуться от настойчивого родительского побуждения стать инженером: я знаю, что не хочу им быть; я буду актером.

2. «Мне всё легко дается, но по-настоящему я ни к чему не стремлюсь. Я боюсь, что у меня ничего не получится, что мне будет скучно. Как быть?»

За таким рассуждением стоит тревога не состояться, пройти мимо главного. В этом случае стоило бы обратиться к специалисту про профессиональной ориентации. Но если браться за дело самостоятельно, можно попробовать действовать методом исключения. Составить список профессий и исключить из него пять, которые нежелательны ни в коем случае. Из оставшихся снова исключить пять, затем еще пять… Это некий диалог с самим собой. Но лучше вести его с помощью того, кто больше знает о сути современных профессий, о требованиях, которые они предъявляют, о возможностях, которые они открывают. Так что советую все-таки обратиться к специалисту.

3. «У меня всё плохо получается. Я серая мышь и не верю в себя. Но жить как-то надо».

При внимательном рассмотрении оказывается, что есть такие вещи, которые человек делает хорошо. Другое дело, что он не придает этому значения, и окружающие также не считают это важным. («Подумаешь — умеет слушать, готов помогать, сердце у него доброе… Это еще не профессия!») Вопрос: что любит делать человек, чем он готов заниматься все время?.. Я еще не видела такого человека, который не мог бы делать что-то хорошо. Когда человек говорит про себя, что он все делает плохо, то скорее всего он себя меряет по стандартным меркам и даже просто повторяет чьи-то слова о себе. Школьные мерки известно, каковы. Справляешься со школьной программой — значит, молодец. А жизнь так строга на оценки! Школьным отличникам она может выставить итоговую двойку в классе эдак в 22-м, когда им уже тридцать. Больших вершин достигают трудолюбивые. А наши отличники, обладая способностями выше среднего (что позволяло им учиться в школе без напряжения), не испытывали жесткой необходимости проявлять волю к преодолению трудностей и развивать ее; они могли позволить себе быть лишь умеренно трудолюбивыми — зачем прыгать выше себя? И так всё в порядке.

4. «А вдруг я ошибусь? Мама лучше знает!»

Пусть мама очень внимательна и заботлива. Но она все же недостаточно осведомлена о профессиях. На свете есть не только врачи, учителя, переводчики и экономисты с юристами… Есть еще, скажем, биофизики, зоопсихологи, этнологи. Понятно, родители хотят добра своему ребенку. Они двигают его в «хлебную», с их точки зрения, профессию. Но если бы вы знали, сколько я перевидала на своем веку зареванных адвокатов, прокуроров и бухгалтеров! Часто внимательная мать хорошо чувствует ребенка и дает ему максимум того, что можно дать: языки, спорт, общение, рисование, музыку, танцы. И все равно особенности запроса на профессию могут быть скрыты от глаз, не сразу поддаться описанию.

5. «А вдруг я не поступлю и потеряю год?»

Этот страх неудачи подогревается общими причитаниями: «Ты что! В этом институте без взяток делать нечего!» Я сказала бы так: ну ничего, потеряешь год, лучше подготовишься и поступишь, туда, куда ты хочешь». — «А если я забуду школьную программу?» — «А ты не забудешь, если будешь готовиться регулярно». — «Ой, у меня такой характер ленивый, вы бы знали!» — «Знаем, знаем! Раз ленивый — ничего из тебя не выйдет…» Такой вердикт, вы знаете, иногда встряхивает юношу. Если он не безнадежен. А если он вареный овощ — ну что же, большинство людей именно таковы. «Будешь большинством. Кто-то ведь должен составить массу. Вот и будешь массой». И юноша поступает туда, куда возьмут. Жестоко? Пожалуй. Но кто не гребет против течения — того сносит.

6. «А вдруг я окажусь в нижнем слое общества? Ведь необходимо карьеру делать. В конце концов надо стать начальником. Плох ведь тот солдат, который не мечтает стать генералом. Мне, правда, не очень такого хочется, я не люблю командовать людьми. Но надо. Поэтому я не пойду в повара, в слесаря, а пойду в юристы, сделаю карьеру, стану судьей, прокурором, открою адвокатское бюро».

Ошибка. Если мозг и руки расположены делать красоту руками — надо этому учиться. Знаете, что та-

Эльмира Давыдова

Эльмира Халимовна Давыдова, кандидат психологических наук, консультант по профессиональной ориентации, директор центра «Профгид»

кое тоска по дереву? По краске, по цвету? Она овладевает человеком лет в тридцать и даже в сорок, если он одарен, но не дал ходу своему дарованию.

7. «Как я уеду от родителей? Где я буду жить? Нет, лучше дома. Пусть скучновато, зато дома».

Отвечаю: ну что же, были бы все люди одинаково смелыми — мир был бы воинственнее. Спасибо вам за то, что вы уменьшаете воинственность этого мира.

8. «У меня нет шубы. У всех девушек в этом институте есть шубы, у каждой машина, а у меня нет».

Низкая самооценка прожорлива. Она питается всем, что находит: высоким ростом, низким ростом, длинным носом и коротким носом, бедностью вашей и вашим богатством… Много есть поводов, из-за которых юноши и девушки не получают образования, которое могли получить. Однако суть дела в том, что им образование само по себе не требуется, им не нужны знания. Что же им нужно? Материальный достаток, например. «Хорошо, — скажете вы, — но ведь материальный достаток скорее придет в руки компетентному, образованному человеку». Совершенно с вами согласна. Но юноши и девушки слишком юны и заблуждаются.

9. «А вдруг у меня нет таланта?»

О том, есть ли талант, судят по результатам, которых человек добился. Бывает, что взрослые не видят способностей в ребенке; а бывает, что видят. Их мнение может существенно повлиять на его развитие. Но сильнее всего влияет именно разнообразие интеллектуального и чувственного опыта, которое может дать растущему человеку среда. У одного ребенка на заре жизни была бабушка, она водила его по лесам и лугам, показывала травинки, учила наслаждаться красотой мира, жалеть живое. Другой видел мусорные кучи и рос с пьющими взрослыми, слыхом не слыхавшими о Пушкине и Чайковском. Второму труднее понять, в чем его талант. Вообще, ему труднее оценить, что такое хорошая жизнь и какую роль в ней играет общение с природой, музыка, книги, здоровье, развитие.

Обращаясь к взрослым, скажу: обогащайте впечатления ребенка, давайте ему возможность знакомиться с различными предметами, пробовать себя в различных делах.

10. «Смогу ли я этим зарабатывать? Вот я бы пошла в психологи, но мама и папа говорят, что эта профессия не кормит».

Не входя в подробности, скажу, что и этим делом можно неплохо зарабатывать, если, конечно, любишь его. Подобный страх порожден неосведомленностью. Незнание того, в чем именно состоит профессия, какие требования она предъявляет к человеку, как можно развиваться в этой профессии и чего достигнуть, — распространенная причина неверного выбора. Что же делать?

Осведомляться, проконсультироваться со специалистом по профессиональной ориентации, читать о профессиях (полезно, в частности, знакомиться с материалами сайта *www.profguide.ru*), говорить с профессионалами об их работе, проситься в помощники к разным специалистам. И пробовать себя в различных делах, наблюдать за собой, вести дневник таких наблюдений.

Подведем итоги.

Опасения и ошибки при выборе профессии вызваны, в общем, тремя причинами:

— неосведомленностью в профессиях;

— незнанием и непониманием своих сильных и слабых сторон;

— нежеланием становиться взрослым, вырабатывать собственное мнение, отстаивать его перед окружающими людьми — друзьями и родителями.

Как созреть для самостоятельного выбора? Тут, я думаю, важны постепенные, малые, но последовательные шаги. Нужно учиться прислушиваться к своим собственным желаниям, учиться не подчинять их общепринятым мнениям и мнению родителей. Когда почувствуете хотя бы слабый еще росток желания узнать о каком-либо деле больше — начинайте пробовать. И снова прислушивайтесь к себе, к своим чувствам.

Бывает, что нужное и полезное дело не вызывает у вас воодушевления. Скажите спасибо своему нутру: значит, это дело не ваше. Ищите такое, которое вызывает воодушевление. Пусть это дело ручное, требует поначалу среднего, а не высшего образования.

12 межрегиональная специализированная выставка

23-26 марта ОБРАЗОВАНИЕ от А до Я КАРЬЕРА

• Образовательные учреждения • Ярмарка вакансий для выпускников

• Обеспечение учебного процесса • Карьера

620072, Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14

(343) 347-45-05, 348-25-55

jkovenko@kosk.ru, www.kosk.ru

Дети и кризис

Надежда Зырянова

Вот уже год с лишним наша страна, как и весь остальной мир, переживает экономический кризис. Как сказывается он на детях?

Сотрудники кафедры психогенетики МГУ в сентябре–октябре 2009 года опросили 129 детей-шестилеток, посещающих детские сады Москвы. Со всеми были проведены интервью. Детей спрашивали, знают ли они что-нибудь о кризисе, о его причинах, о том, кто им про него рассказал, что изменилось дома...

Что отвечали дети?

На вопрос «Ты знаешь что-нибудь про кризис?» большинство опрошенных детей ответило отрицательно. Например: «Только слышала, но о нем ничего не знаю. Я слышала, как кто-то ехал на кризис»; «Я такое не знаю. Хотя слышала, но я не знаю, что это такое. Мама говорит, что это еще рано, вот вырастешь — расскажу».

Некоторые дети имеют какое-то представление о кризисе и чаще всего связывают кризис с отсутствием денег: «Ну… кризис это… ну… мало денег получаешь»; «Когда денег меньше становится, а всё дороже становится, это и есть кризис».

От кого эти дети узнали о кризисе? Чаще всего от мамы («Мама все время говорит, что у нее кризис»), иногда — от бабушки. Кто-то услышал о кризисе по телевидению. А одна девочка узнала про кризис из взрослых разговоров: «Я слышала все время, кто-то говорит: Кризис! Кризис! Кризис!».

При ответе на вопрос, беспокоится ли у них дома кто-то из-за кризиса, дети чаще отвечали, что никто. Если они и говорили, что взрослые из-за кризиса беспокоятся («потому что на работе им мало денег дают»), то при этом указывали, что дома ничего не изменилось: «Нет. У нас так все хватает»; «Мало денег становится, хотя скоро у нас будет большой дом».

Одна девочка сказала, что кризис коснулся и ее лично: «Да, сейчас у нас в нашей семье идет кризис. У моего папы еле-еле на две вещи мои — для меня — хватило денег. На камешек, который продается только в субботы, и к нему папку и журнал, и еще большеголового, у него есть такая труба».

Что надо делать людям? Надо «начать зарабатывать деньги», «копить деньги». Один мальчик сказал, что надо «искать такую работу, где больше денег дают». А другой полагает, что делать ничего не надо, надо просто «ждать, пока пройдет кризис».

Детей спрашивали и о безработице. Оказалось, что все дети знают, кто такие безработные. Относятся они к ним по-разному. «Кто может стать безработным?» — «Ну, тот человек, который не хочет зарабатывать. Думает, что у него много денег. Потом опять придется ее находить и работать»; «Тот, кто плохо работает»; «Те, кто не слушает, что говорит начальник; «Бывают злые безработные, которые вообще не хотят работать, только украсть»; «Те, кто не любит работать»; «Они в детстве ленились, не делали математику». Но безработными могут быть и другие: «А безработные хорошие или плохие?» — «Хорошие. Ну, они просто на работе что-то не то сделали, может». Кто-то считает их не виновными в потере работы: «Почему эти люди стали безработными?» — «Потому что, наверно, заболели».

На вопрос, могут ли их родители потерять работу и стать безработными, дети чаще всего отвечали, что не могут. Очевидно, дети считают своих родителей защищенными от потери работы, потому что думают, что они любят работать, хорошо работают (и в школе не ленились, математику делали!). Только единицы на вопрос «Кто может стать безработным?» ответили: «Все могут».

Интересные ответы были получены на вопрос «Может ли твоя семья стать беднее, чем сейчас?».

Дети очень редко оценивали свою семью как бедную, чаще всего как среднюю. Только один ребенок сказал, что его семья бедная, но и она «иногда бывает богатой, когда мы денег в дом приносим». А как богатую свою семью дети оценивали с оговорками — как не очень богатую, временами богатую

и т. д. Очевидно, дети считают, что не очень хорошо говорить о том, что семья богатая. Один мальчик так прямо и сказал: «Не очень-то богатая, но и не очень-то бедная… По правде, я не хочу говорить, что богатая». — «Почему?» — «Лучше об этом не говорить».

На вопрос, может ли их семья стать беднее, дети обычно отвечали, что не знают. Некоторые с уверенностью говорили, что их семья беднее стать не может. Но некоторые посчитали, что может, но, как правило, с кризисом это не связали: «Ну, мы станем бедными, если будем тратить деньги на всякую развалюху или на всякие игрушки ненужные. И ничего не сможем хорошего купить». И только один ребенок сказал, что его семья может стать беднее из-за кризиса.

Детей также спрашивали о том, счастливы ли они. Как правило, дети отвечали, что счастливы. И объясняли, почему: «Потому что у нас всё есть. Мама всё делает, что я говорю, конечно, не всё иногда, но не знаю, я счастлива. У меня даже большой домик игровой, где очень много игрушек»; «Потому что мне с мамой повезло»; «Просто так».

Несколько детей ответили, что не очень счастливы, но не могут сказать, почему. Некоторые

Надежда Михайловна Зырянова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психогенетики факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Проведение исследования было поддержано РГНФ (грант № 09-06-00442а)

Фото Е. Боковой

дети признались, что для счастья им чего-то не хватает. Так, одна девочка сказала, что не совсем счастлива, потому что ей «не хватает внимания родителей». А мальчик ответил, что счастлив только иногда, и объяснил, почему: «Потому что меня заставляют заниматься… музыкой там, уроками».

На вопрос, счастливы ли другие дети, отвечали по-разному: «Другие дети счастливые, им дарят больше подарков»; «Некоторые бывают счастливые, а некоторые немножко обижаются, немножко расстраиваются»; «Некоторые очень богатые. Но не обязательно счастливые… Бывают бедные, но они счастливые».

Судя по ответам детей, мы можем сделать вывод, что кризис существенно не повлиял на их жизнь. Они в целом вполне благополучны, живут обычной детской жизнью. Они чаще всего о кризисе даже не слышали. Им кажется, что дома ничего не изменилось. Дети считают, что их родителям не грозит безработица, что их семья вряд ли обеднеет. Почти все считают себя счастливыми, у них всё хорошо.

Но, возможно, такая картина характерна только для Москвы, в других регионах ситуация хуже, поскольку там кризис проявляется глубже, выше процент безработных, заметнее снижение материального уровня семей. И дети в той или иной степени не могут не испытывать последствия этого. (Но и в Москве, если придет новая волна кризиса, социальная ситуация развития детей может ухудшиться.)

Американский психолог Глен Элдер и его коллеги в течение 40 лет наблюдали за развитием мальчиков и девочек, переживших годы Великой депрессии. Среди них были дети из семей, не пострадавших от депрессии, и семей, существенно пострадавших (в них среднее снижение семейного дохода в 1933 году по сравнению с 1929 годом превысило 40 процентов).

В пострадавших от депрессии семьях многие отцы, потеряв работу, утратили положение в обществе и, соответственно, свой статус главы семьи. И вместо того чтобы принять этот удар судьбы как следствие общего экономического кризиса, стали обвинять себя в неспособности обеспечить семью. Они растерялись, избегали общения с женой и детьми, некоторые начали пить, из-за чего потеряли авторитет в глазах членов своей семьи, перестали быть для них опорой и защитой. И, наоборот, многие матери заняли место главы семьи благодаря тому, что менее эмоционально переживали экономические трудности. Нередко женщина оказывалась практически единственным кормильцем семьи, поскольку менее квалифицированную и менее оплачиваемую работу можно было легче сохранить. Такие матери заняли позицию лидера в семье, они самостоятельно решали большинство вопросов, распоряжались деньгами, часто даже не советуясь с мужем. В результате они стали в глазах детей более важными фигурами, чем отцы.

Не все семьи смогли пережить это изменение семейных ролей и обязанностей. Во многих из них преобладало депрессивное настроение, осложнялись отношения между супругами, некоторые браки распались.

Такая смена ролевых позиций в семье не прошла бесследно для детей. Отмечено, что в большей степени пострадали мальчики. Элдер объясняет это тем, что в раннем детстве, когда мальчикам необходим пример отца, они не могли получить его. Но и женщины не всегда легко переживали такие изменения в своей жизни. Многие матери становились авторитарными, раздражительными, испытывали чувство неудовлетворенности отношениями с мужем и детьми. Некоторые выработали у себя «комплекс мученицы», жертвующей всем ради семьи и детей. Они ждали и требовали ответной благодарности и уважения, но не всегда их получали, и из-за этого страдали еще больше.

Самыми благополучными, эмоционально стабильными, дружными оказались семьи, в которых отцы, несмотря на потерю работы, сохранили свое лидирующее положение, уважение детей. Такое отношение к отцу во многом определялось отношением к нему со стороны матери. Дети из таких семей оказались более успешными в жизни.

Те семьи, где все поддерживали друг друга, были вовлечены в общую деятельность, где дети старались по мере сил помогать взрослым (девочки помогали матери вести домашнее хозяйство, мальчики подрабатывали после школы), пережили депрессию менее болезненно. Они быстрее смогли встать на ноги, вернуться к прежнему уровню жизни после окончания депрессии. К тому же выяснилось, что Великая депрессия оказала на детей не только отрицательное влияние, — раннее вовлечение в трудовую деятельность, в жизнь взрослых способствовало развитию у них ценных качеств — ответственности, надежности, независимости, уверенности в себе, умения зарабатывать и тратить деньги. Эти дети обладали опытом адаптации к трудностям, они знали, что их жизнь зависит от них самих, они были более самостоятельными, могли успешно решать встающие перед ними проблемы. Во взрослой жизни они отличались большим стремлением к успеху, целеустремленностью, оптимизмом, большей ориентацией на семью и детей, высокими моральными принципами.

При анализе влияния на детей другого крупного экономического кризиса — фермерского кризиса в США, который случился в 1970 году, — было выяснено, что больше всего пострадали дети, которые чувствовали равнодушие со стороны родителей и недостаток их теплоты. Те дети, которые были как-то вовлечены в совместную с взрослыми деятельность, чувствовали себя причастными к общему делу. Это способствовало формированию у них ответственности и ощущения личной значимости, приобретению уважения со стороны взрослых. Они были более успешными и активными в школе, реже демонстрировали проблемное поведение. Также обнаружилось, что для благоприятного развития детей в ситуации, когда семья пострадала из-за кризиса, оказались значимыми тесные связи с бабушками и дедушками, наличие с ними общей деятельности.

Эти исследования показывают, что важным фактором, определяющим влияние экономических кризисов на детей, являются отношения в семье. Как указывал Элдер, влияние кризисов, как и других исторических событий, опосредовано взаимосвязями человека с другими людьми, люди сами конструируют свою жизнь путем поступков и действий, которые они совершают в сложившихся исторических условиях.

Одежда школьника: требования к ней должны быть разумными

Споры, то и дело вспыхивающие по поводу школьной формы, наводят на мысль о том, что необходимо наконец разработать некоторые общие рекомендации на этот счет. Требования к одежде школьника должны быть весьма строгими, но разумными, реально выполнимыми для семьи скромного достатка.

Нельзя упорно игнорировать молодежную моду и запрещать слишком многое: это заведомо конфликтный путь. Надо лишь не позволять крайностей, неуместных в образовательном учреждении.

С некоторыми требованиями согласятся, наверное, почти все: вряд ли приемлемы в школе вещи слишком яркие; странно выглядят, скажем, на девушке-подростке платье с декольте, ультрамини, вызывающие украшения, неумеренная косметика, экзотическая прическа. Не следует, видимо, впадать и в походный стиль или же в дискотечный. Опрятность обязательна. Все остальное — на усмотрение семьи.

Ни в коем случае не следует запрещать девочкам носить брюки и джинсы (конечно, не рваные). Брюки и трикотажный (или другой приемлемый) верх — в действительности очень удобная одежда для школы на каждый день, в отличие, например, от колготок, блузок. При этом вполне можно выглядеть и по-деловому, и нарядно.

Форма, приобретенная в августе, на большинстве детей не выглядит новой (мягко говоря) уже к третьей четверти, к весне вполне может оказаться мала. Покупать новую на два месяца? Ведь к сентябрю ребенок вырастет и из нее. К тому же в мае и сентябре бывает жарко в одежде с длинными рукавами. После уроков дети далеко не всегда сразу идут домой, они гуляют, при этом почти всегда пачкаются. Мальчишки не прочь побороться, сыграть в футбол — имеют право. Только одежда вряд ли останется чистой. Если форма не обязательна, ребенок наденет другую одежду — и всё. В нашей семье стирка не чаще двух раз в неделю, грязная одежда ждет своей очереди в корзине — никто из нас по роду работы не в состоянии стирать, гладить, штопать ежедневно.

Нередко вещь портится непоправимо, дети есть дети — смиримся. Какой смысл покупать новую форму, пробивая брешь в бюджете, когда в гардеробе полно хороших вещей? У наших знакомых к поступлению сынишки в школу были три практически новые водолазки (белая, зеленая и черная), а в школе требуют синие с черными жилетами и брюками. При этом хорошие черные джинсы педагогом за брюки не считаются. Затянули пояса, купили две новые водолазки и две пары брюк. Ну зачем? Мальчик не стал от этого лучше выглядеть и учиться, честное слово.

Много говорится о том, что форма сглаживает разницу между бедными и богатыми. Если и сглаживает, то незначительно — разница все равно будет заметна по обуви, ранцам и другим вещам. Как ни парадоксально, именно малоимущим форма

Фото Т. Соболевой

создает больше проблем. Часто в таких семьях дети носят в основном подержанные (нередко очень приличные и модные) вещи с чужого плеча. Мы давно снабжаем остающимися (стали малы, но выглядят хорошо) вещами многодетную семью из соседнего подъезда, они всегда рады. Необходимость приобрести новый комплект формы — тяжелый груз для бюджета такой семьи. А если не один комплект, поскольку детей больше? Люди переживают, крутятся, стараются изыскать средства одеть ребенка не хуже других.

Знакомый первоклассник рассказывал мне, как плачет, не хочет идти в школу его приятель. Я узнал эту историю в деталях. Родители (не хочу писать о причинах) игнорируют призывы купить требуемую в этом классе форму, а педагог регулярно при всех спрашивает, когда они это сделают: «Вы совсем бедные, что ли? Или денег жалко? Мобильник так купили». Для мальчика это тяжелое унижение. Повлиять на родителей он не может, что ответить учителю — не знает. Зачем заставлять его безвинно страдать, стесняться — какая разница, ходит он в светлой рубашке или в той же водолазке, ну что за беда? Одежда на нем вполне приличная и опрятная, соответствующая случаю. Спрашивайте с него за учебу и поведение! И не отбивайте желания ходить в школу.

Есть особые случаи. В нашей школе учится девочка с врожденной аномалией — одна ножка немного тоньше и короче другой, нужна специальная обувь. В брюках это менее заметно. Заставлять ее надевать юбку просто жестоко. Я закончил школу в семидесятых, тогда форму требовали строго, но все равно уже классу к седьмому в ней ходили в основном по особым дням (например, на линейки, сборы), в будни старались выглядеть по-своему, за что нам попадало. Лишь одной девочке в связи с тяжелым заболеванием кожи официально разре-

шили ходить в хлопчатобумажных блузке и юбке, но и на нее нередко набрасывался кто-то из педагогов, не знающих об этом, и бедняжка, краснея, вынуждена была при всех сообщать свой диагноз, которого страшно стеснялась. За что она страдала?

Сказанное не относится к элитным платным школам. Там учатся дети весьма обеспеченные, а это совсем другая история. Вводите какую угодно форму — хоть смокинги. К тем же, кто учится в обычных муниципальных школах, следует относиться более бережно, не требовать непосильных порой расходов на то, что на самом деле не столь важно. Форма — далеко не самая острая проблема современной народной школы.

В нашей большой семье все с уважением относятся к учителям; выполняем школьные требования, очень хотим, чтобы союз семьи и школы укреплялся, готовы способствовать этому по мере своих сил, сотрудничать. Но достаток у нас ниже среднего. Как и многие другие, мы вынуждены очень тщательно планировать бюджет, чтобы хватало не только на самое необходимое.

Хорошая учеба, приличный внешний вид, нормальное поведение — вот за что отвечают школьник и его семья. С этим должно быть по-настоящему строго. Обеспечение безопасности детей во всех смыслах и качества учебного процесса — вот главная задача школы. Администрации лучше обратить внимание на чистоту и оснащенность помещений (особенно столовых и еще более туалетов), охрану, противопожарную безопасность, ремонт. Родители гораздо охотнее заплатят посильные взносы на дополнительное образование, организацию досуга, чем будут тратить деньги на бесполезную униформу.

А. Иванов, родитель

Школьная униформа: плюсы и минусы

Либеральная мысль обычно ассоциирует школьную, как и всякую иную, форму с милитаризацией, стандартизацией и деиндивидуализацией. На мой взгляд, это не совсем верно или верно лишь отчасти. Школьная униформа, если она достаточно современна, удобна и элегантна, имеет ряд положительных сторон.

Во-первых, она дисциплинирует учащихся, заставляет их быть более подтянутыми, приучает к порядку и аккуратности.

Во-вторых, подобно спортивной форме, она формирует определенную корпоративную и институциональную солидарность, чувство групповой принадлежности и отличия от других, что для детей очень важно. Правда, для этого разные школы и учебные заведения должны иметь свою собственную, индивидуализированную форму, что требует немалых средств.

В-третьих, одинаковая одежда в какой-то степени нивелирует классовые, социально-имущественные и этнорелигиозные различия. Когда дети приходят в своей семейной одежде, социальное неравенство подчеркивается, порождая соперничество и чувства недоброжелательности и зависти. Униформа делает эти различия менее заметными, утверждая, что в школе все равны и выделяться можно лишь за счет своих личных свойств и способностей.

В-четвертых, униформа ослабляет, минимизирует гендерные различия и связанные с ними сексуально-эротические мотивы. Разумеется, мальчики и девочки неизбежно испытывают романтические и эротические чувства друг к другу. Сегодня это начинается значительно раньше, чем в прошлом. Педагоги, в том числе английские, с тревогой отмечают, что под влиянием массовой культуры, маленькие девочки сейчас все раньше начинают чувствовать и представлять себя сексуальными объектами, пользоваться косметикой, вызывающе одеваться и т. п. Иногда это способствует сексуальным посягательствам на них.

Школьный дресс-код, распространяющийся на весь внешний облик подростка, вносит в этот процесс определенные ограничения. Зачем дополнительно стимулировать подростковую сексуальность, которая и так достаточно сильна? Мальчикам дресс-код не позволяет демонстрировать популярные в «пацанской» субкультуре знаки агрессивной маскулинности и т. д. Да и подчеркивать субкультурные различия школе не нужно, она старается их нивелировать.

Конечно, всякий дресс-код сопряжен с издержками. Он подчеркивает, что школа — «казенный дом», где нужно вести себя не как тебе захочется, а в соответствии с определенными, достаточно жесткими правилами. Но разве во взрослом мире дело обстоит иначе? История одежды и этикета показывает, что они везде и всюду варьировали в зависимости от социальной ситуации. То, что уместно дома, недопустимо на официальном приеме, и наоборот. Общая демократизация быта сделала современную одежду более вольной, превратив многие правила из обязательных в факультативные и допуская множество индивидуальных вариаций. Тем не менее какие-то, пусть неписаные, правила остаются, причем почти все они достаточно рациональны.

Если, отправляясь в театр, человек надевает парадную одежду, он тем самым усиливает в себе чувство праздника. В то же время, в отличие от костюмированного бала, где нужно привлечь к себе внимание, в театре этого не требуется, поэтому одежда не должна быть вызывающей. Строгий дресс-код чиновника также функционален: он подчеркивает солидность представляемого им учреждения и одновременно — уважение к посетителю, кем бы тот ни был.

Что плохого в том, если дети усвоят эти правила и их смысл уже на школьной скамье?

Что же касается «деиндивидуализации», то подростковые вкусы сами по себе тяготеют к стандарту, только их стандарты отличаются от взрослых. А различать ситуации дети прекрасно умеют.

Однако красивая, элегантная школьная форма стоит недешево. Если какая-то семья не может позволить себе таких расходов, это оборачивается для ребенка травмой. Если же форма уродует ребенка, она вызывает у него отвращение, которое неизбежно переносится и на навязывающую ее школу. Сегодняшние дети в этом отношении весьма чувствительны. Так что и школе, и государству приходится по одежке протягивать ножки. Если ты не можешь предложить форму, приемлемую для данного школьного сообщества в целом, включая учителей, учеников и их родителей, лучше воздержаться.

А как быть с учителями? В дореволюционных гимназиях учителя были государственными чиновниками, имели соответствующие чины и носили вицмундиры. Но чеховский «человек в футляре» скован не мундиром, а своими должностными функциями.

Нужна ли форма современным учителям? Думаю, что нет. Предполагается, что учитель — самостоятельный взрослый человек, который сам может создать нужный ему имидж. Регулировать его внешний вид с помощью министерской инструкции смешно. Но свобода — это также ответственность.

В книге «Мальчик — отец мужчины» я рассказывал, какие бурные споры вызвал когда-то в хорошей ленинградской мужской школе поступок молодой учительницы, «посмевшей» перекрасить волосы. Теперь на эти вещи смотрят проще. Тем не менее ни длина учительской юбки, ни фасон рубашки, ни стиль прически не остаются незамеченными. Авторитетный и любимый учитель может позволить себе практически всё, а новичку нужно думать.

Кстати, серьезный удар по учительским мундирам нанесла феминизация школьного образования. Хотя женщины могут носить мундир, женское тело сильнее мужского сопротивляется стандартизации, женщины не любят выглядеть одинаковыми, у них больше индивидуальных аксессуаров. И требования к ним по этой части значительно выше.

Российских учителей в форму вроде бы никто пока не обряжает. Их индивидуальности больше угрожает стандартизация учебных программ и мнений. Но это другая и значительно более сложная тема.

Игорь Кон

«Dezdemona dead...»

Михаил Демуров

Я с детства был легкомысленным, поэтому почти всегда опаздывал.

В то утро я вышел в самый последний момент. Пройдя пару кварталов, оглянулся на дом моего соседа и однокашника Эдика Маркина. Часто мы шли в школу вместе. Эдика не было видно. Дом его стоял на тылах местной деревянной пивнухи в Земледельческом переулке.

Было рано. Пивнуха еще только открывалась. Шел мелкий дождь. Худая как вобла буфетчица в халате с замысловатыми пивными разводами, тихо поругиваясь, стаскивала с окон ставни. На плоской груди ее болтался большой консервный нож. Рядом, в томительном ожидании, два местных безногих инвалида неотрывно наблюдали за ее действиями. Один, в фетровой шляпе, молча причмокивая, шевелил губами; другой же, худой, сипловатым голоском повторял свою любимую присказку: «Фронт — есть фронт... Твою мать... Фронт — есть фронт...» При этом он не сводил глаз с Люськи-буфетчицы. Люську он побаивался, а почему — объяснить не мог. Я издали поздоровался. Мы были знакомы.

Таких безногих на тележках с роликами и с деревяшками в руках, чем-то походившими на утюги (ими они отталкивались от земли), в народе называли «самовары» или иногда «тачки». Их было много в те годы...

Однажды мы, обитатели Ружейного переулка, наблюдали необычную процессию. Хоронили одного из них. Колонна «самоваров» двигалась в безмолвной тишине. Только издали, от дровяного склада, отдавая дань умершему, глухо гудела одинокая полуторка. Шум роликов да почти синхронные удары деревяшек-утюгов об мостовую, вместе с монотонным гудком далекой полуторки, звучали как странный глухой реквием.

По обе стороны переулка из окружных дворов повысыпала детвора. Недобитые мужики смущенно покашливали в кулак да беззвучно, боясь нарушить торжественную тишину, плакали старухи... Изредка над головами мелькало крестное знамение...

Сейчас, в эту минуту мне вдруг почудилось, что я опять стою в той толпе. И растерянно, с непонятно откуда взявшимся чувством вины, через года кланяюсь вслед уходящей от нас навсегда колонне.

Я еще раз оглянулся — Эдика так и не было. Видимо, я действительно опаздывал. Быстро прошел мимо дровяного склада, главного центра социалистического комфорта у нас на Плющихе (вместе с баней, конечно). У его ворот кучка дворников-татар взволнованно что-то обсуждала на непонятном своем языке...

А вот и Плющиха... На той ее стороне 6-й Ростовский, а на его углу дом, в котором жил мой одноклассник Адик Маковский. До школы оставалось минут пять ходу.

Прямая спина Адика двигалась чуть впереди. Я с разбега пхнул его портфелем под зад. Удивительно, Адик даже не обернулся. Он молчал, глядя себе под ноги. Потом вдруг как-то странно посмотрел на меня и неожиданно произнес: «*Desdemona dead...*»* Мы были мальчиками что надо: любили щегольнуть английской цитаткой... Однако о чем это он? Я задумался. И причем тут Дездемона?.. Молча мы зашагали дальше...

Здесь надо ненадолго остановиться. Вообще-то мы с Адиком частенько баловались английскими словечками или даже стишками. И началось это вскоре после того, как в нашем классе появился учитель английского языка Михаил Степанович Якименко. Это была яркая, самобытная и очень достойная личность. Он нас с Адиком выделял среди других и поэтому, наверно, мы заметили друг друга.

Михал Степаныч! Фронтовик, военный переводчик, израненный на войне и прошедший через плен с вытекающими отсюда последствиями, лукавец и мудрец, учитель от Бога, строгий к нам до абсурда и потому считавший, что высшая оценка по его предмету — тройка, преподавал нам зачатки настоящего разговорного английского языка. По тем временам это была большая редкость в советской школе.

Я сказал, что он нас с Адиком выделял (видимо, ему казалось, что мы чуть получше других в его предмете), а уж выделяя, был к нам особенно строг. Можно сказать, преследовал нас. Помню, отличник Адик, идущий на медаль, по английскому имел только тройку. На доводы педсовета Михал Степаныч отвечал: «Подумаешь, тройка!.. Зато полноценная!» Только в самый последний момент усилиями нашего директора, добряка и интеллигента Дмитрия Петровича Преображенского, удалось отстоять четверку в аттестате. Я же на медаль уж точно не претендовал, так что со мной было гораздо проще...

Начинал урок Михал Степаныч всегда нестандартно, по своей какой-то только ему ведомой системе. Он входил в класс такой прямой, красивый, с блестящими черными глазами, в выцветшей чистейшей армейской гимнастерке, которая сидела на нем как влитая, и уже с порога громко провозглашал-спрашивал:

— Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жены?

И мы триннадцати-четырнадцатилетние худосочные послевоенные мальчишки с тонюсенькими шеями, стоя навытяжку, обязательно хором должны были ответить:

— Наши жены
Пушки заряжены,
Вот где наши жены!

Он же зорко следил, чтобы абсолютно все участвовали в этом групповом ответе... Соединив нас таким странным образом в единое целое, он начинал урок.

---

* Дездемона мертва *(англ.)*. В. Шекспир. «Отелло», акт 5, сцена 2.

Михаил Михайлович Демуров родился в 1936 году в Москве, на Плющихе. Получив инженерное образование, окончил затем ВГИК; как оператор-постановщик снял на киностудии «Мосфильм» более двадцати картин, режиссерами которых, были, в частности, Г. Чухрай, С. Самсонов, Ю. Солнцева, Т. Лисициан... С 1991 года занимается документальным кино. В качестве автора сценария и режиссера-постановщика много лет работает над серией фильмов, посвященных путям и судьбам представителей первой волны русской эмиграции; наиболее известен его пятисерийный фильм «Не будем проклинать изгнание».
В последнее время М. М. Демуров обратился и к прозе. Жизненность, тонкое понимание времени, достоверность деталей — все это ощущается в его автобиографическом рассказе, герой которого — плющихинский юноша пятидесятых годов.

Наступал мой черед... В то время мы пересказывали «Дэвида Копперфилда». Естественно, по-английски. Он подходил к моей парте так близко, что мой длинный нос причудливо отражался в блестящей бляхе его армейского ремня:

— Вставай, Де Муров!

Я обреченно поднимался.

— Излагай, Де Муров!

Выдохнув, я начинал, не сбиваясь, тараторить:

— *I was born after the death of my father. My father's eyes had closed six months before mine opened*... *

Он неожиданно прерывал меня. И через паузу, чуть искажая свою безукоризненную русскую речь, произносил:

— Садись, Де Муров! Я тебе вчера на Плющихе с двумя девьками видел... Я тебе поставлю две двойки...

И ставил эти двойки в одну клеточку классного журнала.

В общем, теперь, спустя столько лет, надо безусловно признать, что этот необычный человек нас кое-чему научил. И не только своему предмету...

Впрочем, небольшое мое отступление затянулось. А тогда с Адиком мы молча подошли к школе точно к началу уроков. Однако первого звонка почему-то не последовало. Странно, но начало уроков затягивалось...

Первое, что удивило, когда мы вступили в вестибюль, — какая-то необычная для школы гулкая тишина. Только из приоткрытых дверей буфета вместе с запахом пригорелого хлеба доносились печальные звуки «Грёз» Шумана.

Заплаканная толстуха-уборщица тетя Шура шагнула к нам.

— Этого не может быть... — почему-то шепотом произнесла она.

И тут я увидел! Прямо за ней над всеми нами навис громадный портрет вождя в траурной раме. Он пристально смотрел на нас... Мы с Адиком переглянулись. Этот взгляд с прищуром... Я поспешил отвести глаза.

Чуть в стороне на табурете, широко расставив ноги, сидел лысый старик-завхоз. Он настороженно (как родимая власть) поглядывал в нашу сторону. Завхоз мне никогда не нравился. Постное лицо, какой-то фельдфебельский юмор, золотые зубы... Из каморки, в которой он жил при школе, выглядывала его молодая жена. И больше — никого...

Гулкая тишина. Но теперь мы различали и шарканье ног, доносившееся сверху...

Выше этажом по лестничной клетке и по коридору, не произнося ни слова, беспорядочно слонялись дылды-старшеклассники вперемешку с малышней.

— Кучнее, дети, кучнее...

Мы обернулись. Наша биологиня, по прозвищу Марьяша, гнала куда-то кучку малолеток. Она, как клуша, нависла над своим цыплячьим потомством.

— Кучнее, детки, кучнее... — с материнской нежностью повторяла она.

Все-таки Марьяша была очень близка к природе. Предмет обязывал, наверное. Помню, как на уроке зоологии она с увлечением показывала на себе, как коза кормит своих новорожденных козлят. А мы, любознательные, задавали наводящие вопросы. Нам, видите ли, нужны были подробности...

— В это невозможно поверить! — повернулась она к нам на ходу.

Глаза ее на секунду из озабоченных превратились в скорбные...

Из приоткрытых дверей уборной напротив доносился четкий ритм бьющихся в чеканку. Я заглянул туда — через туман папиросного дыма увидел блестящие глаза, разгоряченные лица. В азарте меня никто не заметил...

Неподалеку у окна, сжимая руками виски, стояла наша классная руководительница, географиня. Глаза ее были полузакрыты, волосы всклочены.

— Переживает! — констатировал Адик.

Она была толстая и добрая. Только однажды, перед каким-то важным, на ее взгляд, сбором, кажется, пионерским, она позволила себе каменным голосом грозно напутствовать нас:

— Если кто собьется или забудет что-нибудь — сразу тройку за поведение в четверть! А если кто плюнет или что-либо в этом роде... О-о...! — и она сделала страшные глаза.

Все засмеялись. Она была добрая — ее никто не боялся.

Мы стали подниматься в актовый зал. Навстречу куда-то торопилась группа ребят. Я поздоровался. Мне не ответили. Только Чума на ходу громко сказал, глядя прямо перед собой: «Гага, Курица и я — в семь у Виноградских. Так что думай, Фитиль...» И он шевельнул ушами. Фитиль — это я. Чума — мой одноклассник. Он замечательно и долго мог шевелить ушами — этим и был знаменит. А «Виноградские» — это наши плющихинские бани, куда мы частенько ходили. Под праздники вся местная округа выстраивалась здесь. Бабы с шайками в руках, мужики с вениками под мышкой. Народу было много. Милиционеров пускали мыться без очереди.

По поводу наших бань в народе ходила такая частушка:

Эх, московские
Порядки б...ские.
Были ведь «Ростовские»,
Стали «Виноградские»...

Ее пели все — и взрослые и, само собой, дети. Кроме Адика, конечно. Он на дух не переносил бранных слов.

Однажды я наблюдал, как подвыпившая очередь, огибающая транзитом буфет (пиво легально плюс водка из-под полы), пела ее хором под старый Новый год на тридцатиградусном морозе. Из очереди в женское отделение, что напротив, хриплыми голосами подвывали бабы.

Это было замечательное представление... Вообще, мы во всем тогда искали и, надо сказать, часто находили зрелище или, высокопарно говоря, театр. Да и школу мы часто превращали в театр и наслаждались им. Ведь страшно сказать, но и смерть вождя для нас в тот день — тоже спектакль... Вокруг скорбь, печаль, траур, а детская душа балагурит, шевелит ушами, играет в чеканку — сама устраивает театр и ищет его во всем... Видимо в нас, пятнадцати-шестнадцатилетних, не было еще тогда ощущения вины, да и ответственности тоже не было: только любопытство, а иногда недоумение...

Вот Валентина Алексеевна... Для нас — Валюшка. Грациозная и прекрасная в своей печали, она стоит передо

* Родился я после смерти отца. Глаза моего отца закрылись за шесть месяцев до того, как мои открылись... *(англ.)*. Ч. Диккенс. «Дэвид Копперфилд».

мной. И силуэт ее фигуры на фоне окна почти совершенен. Я цокнул языком — так она была великолепна. На меня ревниво посмотрели два старшеклассника. Так сказать, свита Королевы.

Конституция... Это был вожделенный урок. Его ждали. Правда, боюсь, что звук, слова, текст, который произносила Валюшка, был слышен еле-еле, как будто откуда-то издалека, из-за последнего поворота.

А вот что касается смысла Предмета, то его понимали по-разному. Если на первых рядах, где обосновались подслеповатые очкарики, Конституцию воспринимали с признательностью и благоговением (округлость форм, острота обтянутых грудей, обтянутое же бедро и, о боже, тонюсенькая щиколотка), то прыщавая Камчатка вела себя, на мой взгляд, вызывающе: недвусмысленно и дружно сопела...

Что ж, каждый воспринимал Конституцию по-своему. Тем-то она и хороша, что можно на нее взглянуть и понять по-разному.

Так что, не знаю, как у моих состарившихся товарищей по классу, а у меня до сих пор отношение к Конституции трепетное. Особенно к советской. Помню, как в молодые годы я обязательно обзаводился податливой барышней-комсомолкой к празднику 5-го декабря. И отмечали мы его широко, по полной программе. Как говорится, «Программу партии — в жизнь!»

Однако я двинулся дальше. Адика рядом не оказалось. Неподалеку ведут тихую беседу два достойных человека. Историк Федор Петрович Лебедев и химик Сергей Николаевич Успенский. Оба фронтовики. Оба прошли войну. Сергей Николаевич солдатом от первого до последнего дня, а Федор Петрович к тому же побывал в плену. Оба беспартийные. Для преподавателя химии это еще куда ни шло. А вот учитель истории — и беспартийный, и в советской-то школе, и в пятидесятые-то годы! Трудно было быть историком в те незабвенные времена.

Помню, на одном из первых уроков он рассказал нам об известном советском (именно, советском) историке академике Покровском, который провозгласил государственный принцип подхода к истории как науке: «История — это политика, повернутая вспять». Так вот, Федор Петрович все годы нашего с ним общения пытался заставить нас серьезно задуматься, так ли это на самом деле... Смелый был человек!

Мои же с ним отношения требуют отдельного рассказа. Вообще, если быть откровенным, я по-настоящему хорошо отвечал ему всего лишь раз. Дело было так. В тот день я, как всегда, опаздывал. Даже не успел позавтракать. На первом его уроке Федор Петрович знакомился с классом. Вызывал по алфавиту. Дело дошло до меня.

— Демуров!

Я встал.

— Скажи, Демуров... ты что... татарин?..

Он глянул на меня исподлобья. Я растерялся.

— Татарин?

— Не-а... Вобще-то нет...

А потом, то ли с испугу, то ли оттого, что натощак, ляпнул:

— Хотя... все мы немножко татаре... если задуматься...

— Да-а?..

Он задумался.

«А паренек-то обобщает, владеет предметом, анализирует», — хочется думать, что так он рассуждал про себя. А вслух сказал:

— По-моему, ты чересчур умничаешь... Садись!

Я промолчал, а про себя подумал: «Стараюсь...»

В общем, с тех пор, как бы плохо я ни отвечал, всегда получал благожелательную четверку. Так что наши с ним отношения сложились раз и навсегда, и их можно было считать ровными. Да и спрашивал меня он крайне редко.

Кстати, здесь можно было бы поставить P.S.

Есть у меня друг с вполне благонадежной фамилией Великанов. Такой русский красавец. Высокий. Ладный. Приятно картавит. И вот на сорок пятом году дружбы выясняется, что его дед (или прадед) — татарин! Мало того, если верить словарю Брокгауза, то этот его дед (или прадед) — единственный человек в мире, который перевел на татарский, представьте себе — Пятикнижие Моисеево, или, собственно говоря, Тору!

Вот тут и рассуждай до умопомрачения — кто мы! Эх, хорошо бы спросить у Федора Петровича! Но увы... Придется на время отложить.

Рядом с Федором Петровичем — Сергей Николаевич. Наш химик.

Сергей Николаевич плотно сложен. Крепко стоит на ногах. И нежно влюблен в свой предмет. Надо было видеть, как он ласкает своей трудовой крестьянской ладонью хрупкую колбу с дымящимся реактивом... Просто «Ромео и Джульетта».

Сергей Николаевич — человек деревенский, чистый и очень непосредственный. Помню, как он исповедально рассказывал нам о своем жизненном пути.

— Я человек сельский! Мужик! — произносится это с оттенком некоторой гордости. — А ведь учителем стал. Химик. Химия — сложнейшая наука...

И через многозначительную паузу:

— А вот, к примеру, брат мой младший... Колька до сих пор по деревне собак гоняет... Собакам хвосты крутит, — нравоучительно заканчивал он и строго глядел на нас.

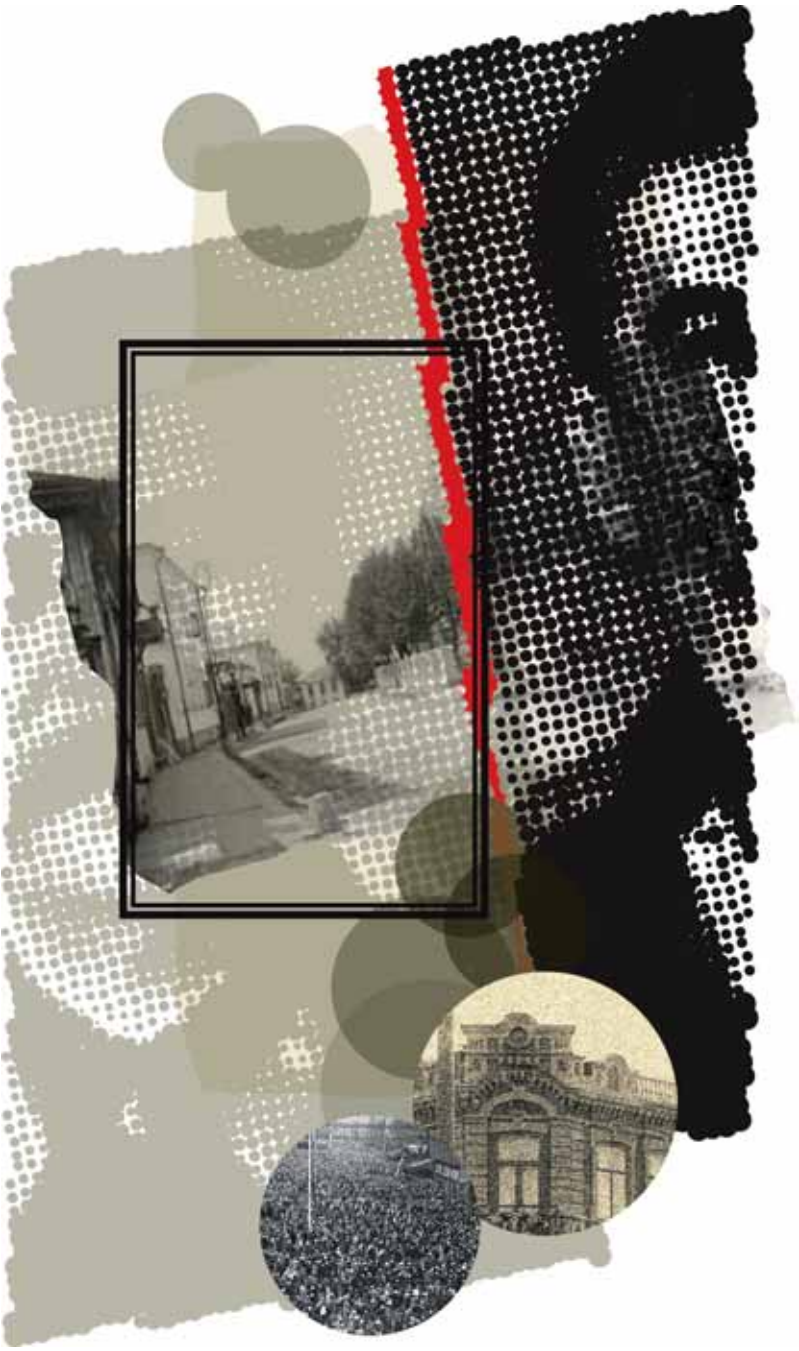
А еще Сергей Николаевич был знаменит тем, что открыл новый химический элемент. Назвал меня, в крайнем своем раздражении, которое, увы, частенько посещало его при общении с нашим 9-м «А» классом, «деревяшкой чугунной».

Спасибо дорогому Учителю за то, что научил меня тогда, почти шестьдесят лет назад, трезво осознавать свое место в таблице Менделеева...

Чуть поодаль, у окна, гордый в своем одиночестве, вглядываясь в пелену мартовского дождя, стоит человек в ниспадающем с плеч пиджаке. Это Анатолий Федорович Рожков, наш преподаватель логики и психологии. Были такие предметы в советской школе.

Но, помимо этой самой логики, он исподволь, всем своим обликом, своим поведением старался показать нам, послевоенным режимным пацанам, что мир бывает разным, не таким однозначным, как иногда кажется. Что есть что-то еще, кроме официального, а потому и общепринятого...

Будучи, вероятно, человеком будущего (до эры битников и повального увлечения Хемингуэем было еще далеко), выглядел он весьма необычно. Широкий твидовый пиджак, широкие же свободные брюки, фирменная галстучная булавка и туфли, как говорили тогда, с «разговорами», то есть



с простроченным узорчатым верхом. И ко этому всему, включая «разговоры», безусловное обаяние в глазах.

А еще любил он на уроке неожиданно удивить. Сказать нечто, чтобы заставить задуматься. Так сказать, проанализировать услышанное.

Помню, как на одном из последних уроков произнес он загадочную фразу: «Во избежание случайной эрекции следует носить широкие штаны...»

Все задумались. Все как один.

...Но вдруг школьный звонок, оглушительный по своей неожиданности, сломал гулкую тишину. Беспорядочное движение охватило актовый зал. Голос военрука звучал твердо:

— На траурный!..

— По классам!..

— Становись!..

Рояль был повернут к стене. Рядом с ним образовался президиум. В центре Федор Петрович Преображенский, наш директор. Рядом учителя. У женщин — у кого заплаканные, у кого растерянные, а у кого и испуганные глаза.

К знамени пристроилась инструктор роно, дама со строгим лицом и с замысловатой пирамидой волос на голове. Из-за пирамиды поблескивает лысина завхоза. Особняком, плечо в плечо, четверка «наших» — англичанин, историк, химик и на полшага в сторону логик.

— Становись!

— Смирна-а!..

Повинуясь военруковой властности, мы замерли.

Дрогнувшим голосом интеллигента Преображенский начал речь:

— Дорогие ученики и учителя...

Микрофон, как всегда, не работал. Директор повысил голос:

— Дорогие ученики и учителя... Слышно?

За моей спиной кто-то хихикнул. Это в последний момент из уборной примчались разгоряченные и запыхавшиеся игроки в чеканку. Так сказать, замкнули наши ряды.

Преображенский продолжал:

— Разрешите траурный митинг, посвященный кончине Иосифа Виссарионовича Сталина, считать открытым. Слово предоставляется...

Незнакомый нам человек с красным лицом шагнул вперед:

— С глубокой болью восприняли мы скорбную весть о кончине великого вождя и любимого учителя... народов...

Я задумался... О чем это он?..

Что касается нас, кучки плющихинских мальчишек из 31-й мужской московской школы, то звание, титул «любимого учителя», в отличие от многочисленных народов, мы раз и навсегда каким-то нутром, рискну сказать, сердцем, присвоили нескольким настоящим мужчинам военного времени.

Вот, перед нами чуть в стороне, потупив глаза, стоят четыре человека. Волею судьбы, непростой судьбы, они заброшены к нам в школу и потому:

— один блестяще учит нас хорошему разговорному английскому,

— другой незаметно заставляет нестандартно размышлять о такой непростой, полной трагических противоречий, истории нашей страны,

— чистым деревенским голосом и с любовью поет свою химическую песню третий (и надо признать, что частичка этой любви входит и в нас (с трудом, правда, но входит),

— четвертый же, ни на кого не похожий, потихонечку посвящает нас в будущие мужские миры... И при этом совсем не забывает ни логику, ни психологию...

Надо серьезно задуматься, чтобы понять, как эти люди, с такой нелегкой для того времени судьбой (плен, беспартийность, а отсюда — неблагонадежность), оказались в нашей московской школе. Да еще во главе с беспартийным же директором. Кстати, поповичем по происхождению. И с фамилией Преображенский, между прочим... Нестандартная для начала пятидесятых ситуация. Ну, и учили они нас нестандартно!

Тем временем в президиуме возникла некоторая пауза: дама из роно перебирает в руках какие-то бумажки. Одна выпала из рук. С удивительной ловкостью, казалось бы невозможной для пожилого человека, завхоз подхватывает ее на лету и с благоговением вкладывает в начальствен-

ные руки. Та, не глядя на него, шагнула вперед. Неожиданно звонким, почти пионерским голосом выкрикнула:

— Товарищи! Ильич передал знамя партии великому Сталину! Наш гениальный учитель товарищ Сталин сейчас вручает его в руки верным своим ученикам... Теснее сплотимся, товарищи!

Я огляделся. Вот они, мои товарищи стоят, вытянувшись по команде «Смирно!».

Прямо передо мной пыхтит хромой Дмитриев. Краем глаза вижу остальных: со сдержанно-опасливым выражением на лице стоит Изя Нисенбаум, по прозвищу «Мосгорсправка». Изя знает всё; выпятил грудь атлета Эдик Маркин; в задумчивости шевелит ушами безудержный Чума; чуть в стороне широко расставил ноги наш бессменный вратарь Гага; беспечно вертит кудрявой головой на тонкой шее Женя Птичкин, по прозвищу Курица; глядит в пол потомственный интеллигент Толя Пирожков.

Мои товарищи... За время пребывания в школе я обнаружил одну существенную вещь: мы, ребята из разных социальных групп, из семей разного достатка, разного уровня культуры, примерно равны в своих отношениях друг с другом. На мой поверхностный взгляд, две вещи приравнивали нас, делали ближе.

Во-первых, как ни странно, система, режим, который заставлял жить в неком условном мире, полном настороженности и недомолвок, опасности и внутреннего, часто подспудного, отрицания...

А во-вторых, безусловно, послевоенная московская улица, великий организатор и воспитатель. В том числе и характера, конечно. Мы, как могли, подпитывались друг от друга. Совместно приобретали уличный или любой другой опыт. И в этом смысле все были более или менее равны. Дышали, так сказать, одним воздухом.

Впрочем, было у нас одно единственное, но решающее отличие — наличие отца. Наличие отца — это особая привилегия, признак какого-то особого благополучия. Даже если отец горький пьяница или безногий инвалид...

Этой привилегией обладали, увы, немногие. Война и предрассветные звонки в дверь, когда отцов увозили неизвестно куда и неизвестно за что, сделали свое дело.

Между тем, дама из роно, видимо, заканчивала выступление. Ее тон делался все более патетическим:

— От всей души выразила свои чаяния формовщица завода «Серп и молот» товарищ... — запнувшись, она поднесла листочек к носу, — Муравьева Зинаида Степановна... Вот как прекрасно она сказала, товарищи: «Эх, если можно было бы продлить годы вождя — жизнь для этого не задумываясь отдала бы. Да разве только я. Тысячи, миллионы советских людей жизнь бы за это отдали». Вот так-то, товарищи! На этой щемящей ноте разрешите завершить наше траурное собрание. Митинг окончен. Теснее сплотимся под знаменем Сталина! — выкрикнула она.

И сразу глубокая тишина охватила зал. Даже сопение Дмитриева на миг прекратилось. Но вдруг затылок его как-то странно дернулся. Он качнулся и, сделав элегантное движение, чем-то напоминающее танцевальный выпад, с грохотом рухнул на пол.

Мгновенную тишину разрезал женский шопот: «Воды... Ученику плохо!» И сразу крик: «Воды! Врача! Ученику дурно!» Всё пришло в движение. Со всех сторон кричали: «Воды! Где же врач?! Ученику плохо!» Вокруг Дмитриева образовалась толпа. Я нагнулся к нему... Услышал, как он пробормотал:

— Что вы кричите! Плохо! Плохо! Да хорошо мне... Хорошо! Просто нога затекла...

Я подал ему руку.

— Командуют тут. «Смирно! Смирно!» А я, между прочим, от военного дела... освобожден!

Он смущенно улыбнулся, отряхнул штанину и, прихрамывая, заковылял к выходу.

Сметая скамейки, с диким грохотом вся школьная орава ринулась в открытые двери. Через минуту в опустевший зал вернулась тишина. Я огляделся: опрокинутые скамейки, поваленный микрофон, какие-то бумажки на полу. И никого... Только ветер шелестит сквозь почему-то открывшееся окно.

Тихий шорох заставил меня обернуться. В углу у пожарного выхода на краешке скамейки фигурка. Адик! Я шагнул к нему. Он поднял на меня глаза:

— Ну что?.. Спектакль окончен? Занавес?

Мы помолчали. Потом он встал, подошел ко мне вплотную:

— Тут слух прошел. Что-то здесь не так...

Я вопросительно посмотрел на него. Он ухмыльнулся:

— А может все это блеф? А? И *Desdemona* вовсе, ха-ха, не *dead*?

Мне было не до смеха. Я ничего не сказал, а сам подумал: «А шут его знает...»

Здесь, судя по сегодняшней ситуации за окном, можно было бы поставить точку.

Но... Возможно, имеет право на существование и другой, оптимистический, финал. Так что выбирайте сами...

Был у меня дружок с Зубовской — Мишка Барышников. Михаил Григорьевич Барышников. «Григорьевич» — это чтоб сразу стало ясно, что не тот, знаменитый Михаил Барышников.

Прозвище имел легко запоминающееся — МГБ. Для несведущих — это аббревиатура Министерства Государственной Безопасности. Всего лишь.

Помню, лет в шестнадцать-семнадцать мы проводили с ним пристрелку к московским питейным заведениям. Посещали, в частности, коктейль-холл на улице Горького. Было такое учреждение — рассадник космополитизма. Теперь там, кажется, кафе-мороженое.

Заведение это было знаменито экзотическими своими коктейлями, а еще женским джазовым оркестром. Руководила им смазливая молодуха-саксофонистка. Как говорил местный швейцар, плечистая в заду. Мы все были к ней чуточку неравнодушны. Надо было видеть, как умело она держала во рту мундштук альт-саксофона, когда выдавала свои пронзительные импровизации! Мы с МГБ аплодировали громче всех. И стоя.

— Про-фес-сионалка, — со знанием дела констатировал Мишка. Он был старше меня на целый год, поэтому знал, что говорил.

Однажды, изрядно подвыпив, он решил на колонне рядом с нашим столиком оставить автограф. Пыхтя и задевая локтем недопитый стакан, выцарапал гвоздем незамыс-

ловатую фразу: «Здесь сидел МГБ». Был замечен за этим занятием упомянутой саксофонисткой в тот момент, когда с воодушевлением подчеркивал слово «сидел». И взят под белы руки, а проще говоря, повязан бородачом-швейцаром с милицейской подмогой.

В конце концов дело помог замять Мишкин дядька, человек из Моссовета.

Так вот, с этим самым МГБ, да с увязавшейся с нами его двоюродной сестрой, дочкой моссоветовца, мы и отправились прощаться с Учителем всех народов...

В тот день дождь шел с утра. Город оцепенел от страха, скорби, растерянности и недоумения. Толпы людей заполнили улицы, у многих заплаканные глаза. Шли к Дому Союзов прощаться с идолом, кумиром. Кто в организованных колоннах, а кто от порыва чувств или от любопытства шел в толпе. Были и такие, кто говорил себе: «Этого не может быть... В это невозможно поверить...» и шел убедиться. Так сказать, удостовериться в точности информации.

Сколько нам было? Лет шестнадцать-семнадцать. И наши молодые сердца не могли устоять перед великим городским шоу.

Как я уже говорил, с нами увязалась девчонка. Наша одногодка. Мишкина двоюродная сестра Наташка.

К вечеру мы втроем пристроились к какой-то неорганизованной колонне и начали наш долгий путь. Вдоль этого пути властями были выставлены кордоны милиции, которые лишали возможности искать обходную, более короткую дорогу. Кордоны эти и заграждения почему-то состояли из отрядов среднеазиатской и латышской милиции (на деле, стало быть, подтверждая строчку из гимна — «дружбы народов надежный оплот»). А разместились они на выставленных вдоль дороги грузовиках и вокруг них.

Мы тогда и предположить не могли, что эти заграждения и ограничения приведут потом к трагедии. Нелепому губительному столпотворению, давке и смертоубийству...

Через час-полтора медленного, почти черепашьего продвижения мы наконец поняли, что к цели надо идти нетривиальным, иначе говоря, авантюрным путем. Душа требовала приключений...

Обходить кордоны предприимчивый Мишка предложил по крышам. И, оказавшись за спиной милиции, мы параллельно улице пробирались к цели проходными дворами, по чердакам и черным лестницам...

В каком-то месте мы услышали душераздирающие крики, призывы о помощи. Глухие стоны эхом неслись из уличных канализационных колодцев...

Тут выясняется, что ни азиаты, ни латыши по-русски не понимают. Или делают вид, что не понимают: может, получили такой приказ.

Перед нами широкие спины молчаливого и ничего не предпринимающего милицейского кордона. Спины и крутые затылки. Как будто зрители в партере. Здесь дают трагедию: внизу свалка, крики, почти вой. А в партере молча и, казалось, совсем без эмоций за всем этим ужасом наблюдают крутые милицейские затылки...

Мы поспешили увести нашу спутницу вглубь проходных дворов. И еще долго вслед нам неслись глухие стоны, сдавленные крики, брань... Голоса перекрывали друг друга и терялись в общем гуле.

И почему-то опять подступает к горлу какое-то неосознанное до конца чувство вины. Вины и беспомощности...

Но наконец-то последнее, уже у самой цели, препятствие: спуск с крыши по какому-то там тросу во двор театра Ермоловой. До цели рукой подать. Теперь колонны двигались гораздо быстрее. Из милицейского оцепления слышались постоянные команды: «Не задерживаться! Не задерживаться!».

Зажатые со всех сторон, мы оказались внутри Дома Союзов. В спину подталкивали; монотонный, какой-то механический голос, неизвестно откуда, без пауз повторял: «Проходите! Проходите!». Поэтому, честно говоря, лица вождя я толком не разглядел — так, нечто расплывчатое... Но оспины и усы точно были. «Правда мертвый», — только и успел подумать я, как толпа протолкнула меня к выходу.

Обратную дорогу до дома мы прошли быстро, часа за два. Шли опустевшими бульварами. Дождь прекратился, стояла какая-то гнетущая тишина... Где-то в районе Трубной наткнулись на собранные в кучи груды галош, растоптанных зонтиков. В лужах плавали растерзанные цветы. Наташку всю обратную дорогу била дрожь. От холода, наверно.

К дому в арбатских переулках подходили часа в четыре утра. Какая-то фигура маячила перед подъездом Наташкиного дома. Бледный, растерянный, а скорее потерянный человек бросился к нам. Схватил Наташку в охапку и крепко прижал ее к груди. «Доченька...» — что-то похожее на всхлип послышалось мне. Он долго, очень долго не отпускал ее. Потом снял пальто, накинул его на дрожащую Наташку и, придерживая за плечи, повел к подъезду. По дороге обернулся.

Мы с Мишкой отвели глаза.

На следующее утро я проспал. И потому, как всегда, опаздывал. Во дворе две пожилые соседки вполголоса о чем-то говорили. Глаза их блестели. Я на ходу поздоровался, мне не ответили. Но разговор сразу прекратился...

Пробегая мимо пивнухи на Земледельческом, на всякий случай глянул — Эдика не было видно. Как всегда по утрам, Люська-буфетчица орудовала со своими ставнями, а два безногих инвалида вели тихую беседу. Чуть в стороне с портфелем под мышкой дожидался открытия Федор Петрович, наш историк. Я сделал вид, что не заметил его.

У ворот дровяного склада кучка дворников-татар, размахивая руками, взволнованно что-то обсуждала. Слов было не разобрать. Судя по всему, по городу поползли слухи...

Адика я догнал на полпути к школе. Он обернулся. Я на ходу выпалил:

— И все-таки *Desdemona dead*. Я сам видел... Это точно. Лежит как миленький... Только что не пощупал... Так что, точно... *dead*... Я сам видел...

Адик даже не посмотрел на меня. Пару кварталов прошли, не произнеся ни слова. Начался дождь. Мы ускорили шаги. И вдруг Адик, глядя себе под ноги, отчетливо произнес:

— Помер Максим, ну и х.. бы с ним!

Я был поражен: пуританин Адик — и вдруг такое!..

Молча, не глядя друг на друга, мы дошагали до дверей школы...

Видимо, затянувшееся наше безмятежное и нелепое детство заканчивалось. Что-то смутное, неясное маячило впереди... Мы вошли в школу.

Иллюстрация Т. Касьяновой

Злоключения русского языка в XX веке

Об Америке, Чехове, Унтере Пришибееве, Терпигореве и языке адвокатов

Мариэтта Чудакова

1.

Сначала — немного мировой истории.

В апреле 1861 года далеко от России, на американском материке, началась война между Севером Соединенных Штатов Америки, граждане которого, активные предприниматели, считали, что только свободные люди могут трудиться эффективно, — и рабовладельческим Югом. Там, на Юге, большинство владельцев огромных хлопковых и табачных плантаций было вполне удовлетворено тем, что их бесплатно обрабатывают чернокожие *рабы*.

Америке понадобилось *четыре года* Гражданской войны, унесшей сотни тысяч жизней, чтобы отменить рабство (*объявлена* эта отмена была раньше — 1 января 1863 года). Реального же равноправия потомки африканцев добивались, как известно, много лет — особенно на Юге. Но все-таки на их стороне уже был закон. И чернокожих школьниц в южных штатах еще в 60-е годы XX возили в школу на специальном автобусе под охраной полиции. В конце концов государство и закон победили расизм. И, как известно, недавно темнокожий человек стал президентом Америки — страны, где только в 1967 году Верховным судом был признан неконституционным существовавший в некоторых штатах запрет на браки между белыми и черными...

В России дворянское сословие тоже жило за счет своей живой собственности, — дарового труда, правда, белокожих и ниоткуда не привезенных, а всегда проживавших на этой земле *крестьян*. Их точно так же, как черных рабов в Америке, можно было продавать и покупать, не обращая внимания на семейные узы.

В том же самом 1861 году было отменено крепостное право в России — *в один день*, 19 февраля, мановением царской руки. Вместо 22 миллионов порабощенных людей создавалось свободное крестьянское сословие. Реальное улучшение жизни освобожденных крестьян наступило тоже не сразу; но все же наступило.

Через полвека после этих событий США — одна из трех-четырех наиболее процветающих стран мира. Она покрыта сетью железных дорог, что, конечно, очень помогает динамике экономической жизни; в 1913 году длина ее железнодорожной колеи в верстах (в которых считали в том году расстояния в России) — 382 тысячи с лишком.

Через те же полвека Россия — страна на подъеме, идущая вперед. Но движение это — неравномерно; площадь, едва ли не в полтора раза большую, чем США, прорезают лишь около 70 тысяч верст железнодорожной колеи...

Великий ученый Менделеев в своей итоговой книге «Заветные мысли» (1903–1905) описывал, как Александр III «решил, что надо покровительствовать развитию всех видов промышленности в своей стране, и как можно скорее, с двух сторон, повелел строить Великую Сибирскую железную дорогу, чтобы связать Россию с теми берегами Тихого океана, где нет ни полярных льдов, ни стесняющих проливов в чужих руках. Туда отправил он и своего наследника, заложившего во Владивостоке концевую часть пути, а затем достроившего и всю его громадную длину». Действительно — будущий Николай II добрался по велению отца до океана, чтобы увидеть восточную оконечность своей империи и лично отвезти несколько тачек к насыпи будущего железнодорожного пути.

Осенью 2006 года я проехала на машине от Владивостока до Москвы вдоль всей этой дороги, глядя на нее с непередаваемым чувством. Это — единственная двухколейная ниточка, со времен последнего императора перерезающая необъятные наши пространства!.. Его, так сказать, «преемники» за столетие не прибавили к ней даже дополнительной колеи...

Но это так, к слову. Речь же у нас о том, что, хотя после убийства Александра II 1 марта 1881 года реформы, которые и до того шли с большим скрипом (по-другому в России вроде и не бывает) и затормозились, но все же «процесс пошел» — по бессмертному (потому что действительно очень точному) выражению М. С. Горбачева. Россия *уже* двинулась по пути реформ.

И самой успешной — при всех издержках — была, пожалуй, судебная. Появилась состязательность судебного процесса — словесная борьба прокурора и защитника. Введен был суд присяжных — к ним-то в первую очередь и обращали свои речи участники процесса, их-то и старались убедить в вине или невиновности подсудимых.

В 1884 году, в разгар народовольческого террора, раздавались требования «немедленно прекратить на время суд присяжных». Победоносцев в специальной записке доказывал, что «в Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти».

Но император отмести вовсе отцовские начинания не решился. Зато идея Победоносцева придется потом очень по вкусу большевистской власти, и первый советский нарком юстиции Крыленко (впоследствии расстрелянный) даст ей в своих трудах тщательное обоснование.

Но до этого в 1880-е годы еще далеко. В России идет накопление нового качества жизни общества.

В сегодняшней России несколько поколений — не менее половины взрослого населения — не имеют о пореформенном времени вообще никакого представления. В памяти закрепилась общая, полученная в советской школе, оценка «царской России» — без различения царствований. От Николая I до Николая II драматическая история страны слиплась (а вернее — была умело слеплена) в некую единую массу под общим названием «*николаевская Россия*». Помню, в школе мы не очень-то понимали, что именно здесь имеется в виду — пушкинское время или же начало XX века, последнее царствование... О разнице между этими периодами в советской школе точно речи не было. Мучительный, трудный и все-таки успешный процесс реформирования страны во второй половине XIX — начале XX веков был нарочито затемнен и остался не замеченным, повторю, несколькими поколениями соотечественников.

2.

...Помню, «проходили» в школе рассказ Чехова «Унтер Пришибеев». Вот какое ужасное было царское время, — объяснялось на уроке и в учебнике. — Этот унтер Пришибеев всех подавлял, не давал никому житья и сделался по этой причине именем нарицательным. Было, помнится, смутное ощущение чего-то невнятного в этих толкованиях. Но, конечно, в голове советской школьницы ощущение это никак не прояснилось и опустилось на дно сознания. А может — и подсознания.

И всплыло с этого дна только много лет спустя: «Позвольте! Какие ужасы царизма? Кто кого подавлял?..»

Рассказ же Чехова о том, как этого унтера *судят* за его неправомерное, не соответствующее пореформенной России поведение! Идет честь по чести судебное разбирательство в камере (не тюремной!) мирового судьи за оскорбление унтером словами и действием разных людей, в том числе шестерых крестьян.

Чтобы проверить свою память на тогдашние штампы, нашла советский учебник для 9-го класса. Правда, вышел он лет через 20 после моей школы, но разницы особой не было. Прочла то самое, что и запало в память. Автор раздела о Чехове полагает, что в фигуре заглавного героя «воплощен дух эпохи» и что «в 80-е годы эта фигура была зловещей: полицейские шпионы и доносчики "по усердию" душили вольную мысль». И только Чехов, делая «грозного Пришибеева смешным и жалким, орудием смеха наносит чувствительный удар пришибеевщине, которая давила Россию».

Но дело-то обстоит совершенно не так. Чехов в 1885 году (год публикации рассказа), спустя двадцать один год после Судебной реформы 1864 года, дает нам урок *реформы в действии*. Урок осуществления правосудия в правовом государстве. Весь интерес рассказа — в столкновении дореформенного сознания (духа прошлой — или, по крайней мере, *проходящей* эпохи) с *меняющейся Россией*. Мировой судья пытается разъяснить главному персонажу рассказа то, что в Америке и Англии называется privacy — огражденность частной жизни от постороннего вмешательства:

«— Но поймите, что это не ваше дело!

— Чего-с? Как же это не мое? Чудно-с… Люди безобразят и не мое дело! Что мне, хвалить их, что ли? Они вот жалятся вам, что я песни петь запрещаю… Да что хорошего в песнях-то? Вместо того чтоб делом заниматься, они песни… А еще тоже моду взяли вечера с огнем сидеть. Нужно спать ложиться, а у них разговоры да смехи. У меня записано-с!

— Что у вас записано?

— Кто с огнем сидит…

— Довольно! — говорит судья и начинает допрашивать свидетелей.

Унтер Пришибеев поднимает очки на лоб и с удивлением глядит на мирового, который, очевидно, не на его стороне… И никак не может понять, отчего это мировой так взволнован, и отчего из всех углов камеры слышится то ропот, то сдержанный смех. Непонятен ему и приговор: на месяц под арест!

— За что?! — говорит он, разводя в недоумении руками. — По какому закону?

И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уж никак невозможно».

Вот именно — мир, то есть Россия, изменился.

«Пришибеевщина» уже отнюдь не «давит» Россию — скорее новая Россия теснит и постепенно вытесняет пришибеевщину. *Право* завоевывает свои *права*. Как справедливо пишут авторы одного из лучших, на мой взгляд, школьных учебников истории России XX века О. В. Волобуев и С. В. Кулешов, «несмотря на то, что воля монарха в России продолжала считаться высшим законом, со времен Александра II по царской прихоти никого не лишали свободы и имущества. Закон уже защищал права российских подданных».

3.

И вот когда после Судебных уставов Александра II судить стали устно, гласно, по внутреннему убеждению, а не на основании одних письменных производств, к 1880-м годам «процвело» (как выражались в те годы) адвокатское сословие.

И историк русской литературы Д. Мирский (а на самом деле — кн. Святополк-Мирский, завершивший свою жизнь, конечно, на сталинской каторге) напишет, что сословие это «превратилось в настоящий питомник общей культуры. Самые блестящие представители поколения избрали адвокатуру своей профессией, и многие адвокаты завоевали своим красноречием всероссийскую известность... Они не пренебрегали работой над формой своих выступлений, и *в этой области проявилось больше мастерства, чем в любом виде беллетристики* (курсив наш. — *М. Ч.*). Имена адвокатов князя А. И. Урусова, В. Д. Спасовича и прокурора (позднее министра юстиции) Н. В. Муравьева следует назвать как принадлежащие самым блестящим ораторам того времени».

И Чехов пишет Андреевскому 25 октября 1891 года: «Для меня речи таких юристов, как Вы, Кони и др., представляют двоякий интерес. В них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства, и, во-вторых, — того, что имеет научное или судебно-практическое значение. Ваша речь по поводу юнкера, убившего своего товарища, это — вещь удивительная по грациозности, простоте и картинности: люди живые, и я даже дно оврага вижу».

Очень важна роль появившихся в результате Судебной реформы адвокатов как формирующих публичную речь образованных русских людей.

В последние десятилетия XIX века грамотная Россия полюбила слушать их в судах. Двоюродный брат Блока, очень неплохой писатель Г. П. Блок писал в своих мемуарах: «Очень большое, странно большое место занимали уголовные процессы. После обеда Иван Николаевич (собирательное лицо. — *М. Ч.*), не стесняясь перед домашними, изображал в лицах, как убили Сарру Беккер и в какой позе она, мертвая, лежала в кресле. С нетерпением ждали, как на суде будет крючить пальцы Спасович».

Публика слушала, сравнивала степени красноречия — и училась публичной речи. Ведь до открытых судов в России первой половины XIX века, где общественной жизни не было, эта речь звучала только на публичных лекциях любимых профессоров — таких, как Грановский, в аудиторию которого ломились слушатели.

В публичных речах, произносившихся и на суде, и на множившихся общественных «мероприятиях», конечно, быстро появились свои штампы. «Говорил мой сосед, один из тех незабвенных ораторов, которые впоследствии, когда стала издаваться газета "Вести", были там едва ли не самыми деятельными кривотолками (это слово раньше относилось к личностям — журналистам, толкующим о событиях вкривь и вкось. — *М. Ч.*)... Доносились слова и фразы вроде: "Незабвенные заслуги дворянства, оказанные им... Бескорыстное служение престолу и отечеству... Воспособление справедливым нуждам передового сословия..." и т. д.». Это — из совершенно замечательной (в том числе по языку) книги зоркого наблюдателя и едва ли не лучшего бытописателя пореформенной России С. Н. Терпигорева (писавшего в 70-е — 80-е годы XIX века под псевдонимом С. Атава) «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика».

В адвокатских речах встречались попытки такого проникновения в глубины человеческой психики, на которое, казалось бы, мог претендовать только писатель: «Да, конечно, если рассуждать хладнокровно и отвлеченно, то это так, но, господа судьи, человек не камень, он состоит не из одних только костей да мяса. У него есть нервы — весьма тонкий инструмент, на котором играют внешние события, раздражительность и впечатлительность весьма различны у различных людей. Представим, что перед нами субъект очень нервный, с которым часто случается истерика, у которого есть притом порок сердца и случаются зачастую обмороки...» (Речь вышеупомянутого адвоката В. Д. Спасовича.)

А теперь откройте в последней части «Братьев Карамазовых» любую страницу глав VI–IX (речь прокурора, обвиняющего Дмитрия Карамазова в отцеубийстве) и X–XIV — эти главы занимает речь знаменитого в городе защитника, защищавшего Дмитрия Карамазова и обвинявшего в убийстве Федора Карамазова Смердякова (уже покончившего к этому дню с собой): «Позвольте, господа присяжные, тут жизнь человеческая, и надо быть осторожнее… Господа присяжные, психология о двух концах, и мы тоже умеем

понимать психологию. Что же до всех трактирных криков за этот месяц, то мало ли раз кричат дети али пьяные гуляки, выходя из кабаков и ссорясь друг с другом: “Я убью тебя”, но ведь не убивают же». На творчество Достоевского речи в судах оказали несомненное и сильное влияние.

В начале XX века, накануне революции и последовавшего за ней большевистского переворота, публичная русская речь предполагала сложные синтаксические периоды, цитаты из классики, латинские поговорки — предполагалось одинаковое их знание и говорящим, и слушающим. Что осталось от этих речей, когда в первые же дни после Октября запретили партию кадетов (ее еще называли «профессорской» — большинство университетских профессоров были ее членами), в которой были записные ораторы, и отменили независимость судов, институт присяжных заседателей и прочие «буржуазные» признаки судопроизводства — завоевания полувекового российского реформирования? Только, пожалуй, знаменитое восклицание Остапа Бендера – «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!». Все эти люди, лишенные после Октября гражданских прав, были названы «лишенцами» и «бывшими людьми». Их речь более не была слышна — ни с трибун, ни на страницах газет. С начала 20-х годов XX века она станет только *объектом* литературного изображения, преимущественно пародийного — и останется им до конца XX века. С. Довлатов описывает эмигрантскую сходку начала 80-х: «Русскую интеллигенцию представлял Гуляев. Ему поручили это как бывшему юристу. *В провинции до сих пор есть мнение, что юристы красноречивы*». («Филиал».)

...А публично после Октября заговорят совсем другие люди — например, деревенские комсомольцы. Фрагменты их речей будет тщательно фиксировать А. Селищев в упомянутой нами ранее книге о языке революционной эпохи: «— ...Теперь наша задача на другой фронт поворачивается. Наше дело теперь авторитет поднимать при помощи практической работы. Потому, — говорит, — знаете, кем мы являемся? — Знаем, — кричим, — мы есть комсомольцы! — Нет, братва, подымай выше: мы не только комсомольцы, мы есть *гегемон* революции — вот кто мы такие!»

И вновь «процесс пошел» — но совсем другой: формирования новой, советской речи как *единственной* авторитетной и допустимой на страницах газет и с любых трибун.

Уроки литературы

Просвещая просвещённых

Наталья Мавлевич беседует с Евгенией Абелюк о двухтомной «Истории русской литературы XX века»

Всем, кто учится или учился в школе, известно, что учебник литературы принципиально отличается от учебников по всем другим дисциплинам. Между ним и изучаемым предметом совсем другие отношения, чем между физикой или историей и учебниками по физике или истории, потому что он лишь прилагается к самой литературе, к книгам, которые хорошо бы прочитать. Давно замечена любопытная закономерность: у тех, кто действительно читает программные тексты, учебник часто остается нераскрытым до конца года, и наоборот: кто книг не читает, тот пытается заменить их извлеченным из учебника суррогатом. Многие учителя учебниками почти не пользуются, предпочитая компилировать источники знаний. Толковые ученики тоже скорее будут искать сведения об авторах и произведениях не в учебнике, а в других, более серьезных или более интересных книгах... Не говоря уж об интернете, спасении для ленивых и сокровищнице для любознательных.

Такое положение объясняется, наверное, тем, что математик отличается от учителя математики, химик от учителя химии и т. д. не так резко, как литературовед от учителя литературы. Большая часть школьных учебников учит именно литературоведению, мало кому нужному в дальнейшей жизни. На эту академическую установку накладываются официальные заклинания о патриотизме, которым неуклюже шпигуется каждая новая школьная программа.

Стало общим местом утверждение о том, что школьная литература на всю жизнь отбивает охоту читать классику. Доходит до того, что современные авторы боятся «попасть в программу», чтобы не стать горькой редькой для молодого поколения.

«История русской литературы XX века» (издательство «Новое Литературное Обозрение», 2009, в двух томах: «Начало XX века» и «После революций») **написана учителями с огромным практическим опытом. Евгения Абелюк и Константин Поливанов много лет преподают в одном из московских лицеев с углубленным изучением литературы.** Строго говоря, это не учебник, тут нет министерского грифа, а «Книга для просвещенных учителей и учеников», как обозначено на обложке. Наш разговор с Евгенией Абелюк начался именно с этой надписи.

— Такой подзаголовок придумала Ирина Дмитриевна Прохорова, главный редактор издательства НЛО, — пояснила Евгения Семеновна. — Я сначала сопротивлялась, мне казалось, что многие увидят в нем снобизм, высокомерное отношение к учителям. А меньше всего мне хотелось бы как-то их обидеть, принизить, я ведь понимаю, что такое учительский труд. Стала звонить коллегам и убедилась, что они относятся к такому подзаголовку положительно. Ну и правда, у нас ведь столько просвещенных учителей! А вообще, книжка выходит за пределы школьной программы и может быть интересна не только учителям и школьникам, но и родителям, которые многое из классики прочитали давно и, может быть, что-то забыли, чего-то недодумали.

— Готовясь к нашей встрече, я собиралась пролистать книгу, чтобы составить себе о ней представление, именно о книге, а не о литературе XX века, которую, казалось бы, как-никак должна знать на уровне школьной программы. Но постоянно ловила себя на том, что, вместо того чтобы просматривать, читаю вовсю и нахожу много неожиданного и захватывающе интересного. Да, собственно, с первой же страницы это и началось...

Трагизм и противоречия XX века в школьном курсе обычно как-то приглушаются, их стараются поменьше касаться, а у вас они проступают постоянно.

— Когда относишься к читателям — любого возраста! — с уважением, не боишься говорить о сложном. На многие вопросы, на которые неминуемо наталкивает знакомство с литературой вообще, а XX века особенно, нет окончательных ответов, и мы не старались выдать собственное мнение за непререкаемую истину.

— Вы сказали, что книга выходит за рамки школьной программы, но все же она как-то с ней соотносится?

— Безусловно. Мы ориентировались на примерную программу для профильных школ, основанную на государственных стандартах образования.

— То есть для классов, где литература изучается углубленно?

— Да. Возможно, если бы мы исходили только из собственных взглядов, некоторых авторов здесь не было бы вовсе. С другой стороны, программы успели измениться, и кое-какие произведения теперь исключены. Например, роман Горького «Мать», «Разгром» Фадеева или «Петр I» Толстого. А мы решили все же рассказать о них, но под тем углом зрения, который представлялся нам полезным и интересным.

— В школьных учебниках глава о Горьком обычно бывает довольно занудной. У вас же фигура Горького тоже показана трагической. О многом заставляет задуматься приведенное в книге письмо Горького Ленину, которое он написал в 1909 году. Там он вместе с симпатией к Ленину выражает опасение, что люди для того — только инструменты, и он оценивает их с точки зрения пригодности для своих целей. А уж христианские аналогии при разборе романа «Мать»… Признаться, я полезла в текст проверять и не могла не согласиться.

— Об этом говорили и горьковеды, и мы, конечно, учитывали их концепции, но шли от своего читательского видения. Не только в этом, но во всех случаях. Сначала я читала, например, Зощенко и писала о нем, но потом прочитывала все, что можно, на эту тему: и Чудакову, и Томашевского, и других исследователей.

— Наверное, и сами литературоведы так поступают: сначала стараются разобраться в собственном непосредственном впечатлении, а уж потом на него накладывается научная информация.

— Боюсь, это далеко не всегда так. Помню беседу с одной маститой дамой: я говорила, что литературовед — это прежде всего внимательный читатель, а она считала, что он, в первую очередь, должен быть ученым.

— Насколько я знаю, ваша книга имеет долгую историю и писалась она как учебник?

— Действительно. Эта история началась почти десять лет назад, когда Национальный фонд подготовки кадров совместно с Министерством образования объявил конкурс на учебник по русской литературе XX века. Мы с Константином Поливановым представили сначала концепцию, потом главы и наконец — полный текст. И были поражены тем, что проходим все туры — их было четыре — без всякой поддержки. В результате мы оказались победителями — получили солидный грант, предназначенный не только нам, авторам, но и издателю на работу с рукописью и внедрение книги. Нам выдали список издательств, тоже участвовавших в конкурсе, из которых мы могли выбирать.

— То есть вы оказались в положении богатой невесты, которая выбирает жениха.

— Надо сказать, выбор мы сделали неважный. Издательство «Мнемозина», естественно, хотело получить гриф министерства, который гарантирует книге статус официального учебника. Это сулит огромные доходы. И в издательстве стали требовать, чтобы мы нашли членов экспертного совета министерства и заранее с ними поговорили.

— Но вы ведь уже прошли министерский конкурс?

— Конкурс Национального Фонда подготовки кадров, который проводился по заказу Министерства, и экспертиза в Министерстве — разные вещи. От предложения издательства мы, естественно, отказались. Но все же согласились отдать рукопись на рецензирование специалисту по литературе в Министерстве образования. Она с готовностью откликнулась на нашу просьбу. Между тем редактор, которую нам дали в издательстве, сразу поняла, что учебник не совсем обычный, и приняла его в штыки. Ей, например, казалось, что нельзя писать о том, что Бунин отрицательно отнесся к вводу советских войск в Прибалтику: «В русском учебнике так нельзя», — писала она нам на полях. А потом составила целый список наших прегрешений и отправила в то же Министерство. И уже оттуда мы услышали, что непатриотично написали о том, как Бунин отзывался о русском национальном характере и о русской деревне, и что это надо исправить. Но тогда пришлось бы исправлять Бунина!

Ситуация сложилась катастрофическая. Издательство отказывалось сменить редактора, мы сами пошли в Фонд, попросили прекратить финансирование «Мнемозины» — и учебник лишился какой-либо поддержки. Тогда мы предложили рукопись

Предисловие к книге начинается со слов литературоведа Бориса Эйхенбаума, произнесенных у гроба Есенина:

«Мы вступили в полосу ранних развитий и ранних гибелей: умерший от отчаянья Блок, расстрелянный Гумилев, погибший от истощения Хлебников, удавившийся Есенин. Перед киночеловеком разворачивается не фильма, смонтированная искусным режиссером… а настоящая трагедия целого поколения…»

«…Горький последовательно сообщает своему герою — рабочему, участнику социалистического кружка — черты апостола христианства.

…Откуда же в романе, посвященном изображению социалистического кружка и судьбе его участников, так много связанного с христианской традицией, христианской символикой?

…Революционное движение в романе как раз и изображается как новая вера, новая религия. И последователи, и проповедники этой новой религии у Горького оказываются в чем-то сходными с проповедниками христианства».

«После кровавых событий революции 1905 года, свидетелем которых Бунин был в городе, после нелепого и бессмысленного мужицкого бунта, который он наблюдал в деревне, проблема национального характера русского человека вплотную стала занимать его.

…Есть в природе русского человека какая-то загадка, какая-то двойственность. Писатель, как и многие его современники, считал, что возникла она благодаря соединению двух начал: древнерусского (европейского по сути) и азиатского…

Начало древнерусское, связывавшее русского человека с прошлым, с Киевской Русью, Бунин высоко ценил. «Азиатчину» — ненавидел. Писателю кажется, что исконное, древнерусское, умаляется, уходит в прошлое, а «азиатчина» преобладает. «Теперь-то уж и впрямь шабаш, — во весь дух ломим назад, в Азию!», — говорит персонаж «Деревни» Балашкин.

Мужики в повести, подобно героям Л. Толстого или Ф. Достоевского, много философствуют. Они спорят о том, что есть русский человек, русский народ, какова Россия. Кузьма, называя себя «русским типом», восклицает: «…не хвалитесь вы, за ради Бога, что вы — русские. Дикий мы народ!» Не принято было в это время так писать о народе — привычней была народническая идеализация мужиков.

…М. Горький писал о повести: «Пройдет ошеломлённость… серьезные люди скажут: помимо первостепенной художественной ценности своей “Деревни” Бунин был толчком, который заставил разбитое и расшатанное русское общество серьезно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — быть или не быть России?»

издательству «Просвещение», но в то время каждое издательство уже предпочитало издавать учебники так называемыми линиями, и нас попросили за год написать еще и учебник для десятого класса. Это невозможные условия.

Потом учебник попал в издательство «Вербум-М», там нас хорошо приняли, решили книжку издавать, дали очень хорошего редактора... и три года делали макет. А когда сделали, издательство разорилось. Нам отдали рукопись с готовым макетом, и мы обратились в «НЛО», где я к тому времени уже издала книжку о Театре на Таганке. Тут наше детище и стало «Книгой для просвещенных учителей и учеников».

Это значит, что когда речь идет о профессионализме, то учебник получает высокие оценки, а как только попадает в официальную шкалу, возникают сомнения?

Там свои правила игры. Издательства хотят заработать. За годы, пока рукопись лежала без движения, изменился не только состав министерского экспертного совета, но и сама процедура. С одной стороны, сделана попытка гарантировать объективный подход: сейчас нужно получить не одно, а два заключения — Академии образования и большой Академии. Но с другой — на экспертный совет принимается уже готовый макет. То есть издательство уже вложило в этот макет немалые деньги и потому, готовя книжку, заранее хочет сделать все, чтобы ее сразу приняли: для этого нужно посадить в себя внутреннего редактора, который постарается предвидеть, что понравится экспертам, а что нет... Ну а мы писали, как считали нужным — нас не держала форма традиционного учебника. Писали, как разговариваем с детьми в классе. Сделать так, чтобы на уроке дети и сами заговорили, чтобы все одинаково были заинтересованы, — это труднее, чем лекцию прочитать. Учителя знают, какие иногда откровения звучат во время такого разговора, какая создается удивительная атмосфера поиска. Но чтобы разговор состоялся, надо, с одной стороны, увлечь учеников своей увлеченностью, с другой — дать понять, что ты вовсе не знаешь ответа на многие вопросы. И показать, как эти вопросы возникают, читать и «спотыкаться» о них. Тогда-то и начинает работать «коллективный разум» класса. Такие уроки надо бы записывать — получилось бы интереснее любого детектива.

В книге же перед нами только мысленный собеседник. Но когда пишешь, в тебе, во-первых, звучат твои собственные вопросы к художественному тексту, о котором ты сейчас говоришь, а во-вторых, многолетний учительский опыт подсказывает, что именно будет непонятно и любопытно ученикам. В результате учебник выглядит как внутренне диалогичный текст, где, конечно, могут предлагаться какие-то варианты прочтений, концепций, но остается пространство и для размышлений юного читателя. По такой книжке не всякий учитель будет работать. Но ведь учителей, которые готовы сделать учеников коллегами, тоже много — эта книжка с таким подходом.

Открытых вопросов в книге действительно много. И они непривычно расположены — не только в конце параграфа, а и посреди текста, так что, как вы говорите, не споткнуться о них невозможно.

А кроме вопросов, возникающих в ходе чтения и осмысления текста, и тем для сочинений, вы предлагаете читателям-ученикам самостоятельно провести мини-исследования, например составить исторический комментарий к повести Булгакова «Собачье сердце».

В основе нашей работы с детьми — медленное, аналитическое чтение, во время которого не только обнажается авторская логика, принципы художественного мышления, но и вырисовывается контекст эпохи, литературный, культурный, исторический. Комментарий, привязанный к конкретному тексту, скажет о времени больше, чем абстрактные описания.

Вы очень много пишете о поэтах, о стихах. Это принципиальная установка?

Да, культура восприятия поэзии у нас, к сожалению, сейчас не на высоте. Воспитать ее не просто, но возможно: если неторопливо, вместе с учениками, читать стихи — читать и толковать.

В книге необыкновенно много иллюстраций: это и фотографии, в том числе редкие и очень выразительные, и рисунки, плакаты, карикатуры и так далее.

Все иллюстрации тщательно подбирались, у нас был хороший художественный редактор Лариса Сергеевна Бахурина, мы таскали ей тонны книг, многое она находила сама; к главе о Леониде Андрееве нашла редкую фотографию рисунка писателя, где изображены Иисус и Иуда. Они очень похожи, но один прекрасен, другой безобразен. Такое изображение тоже содержит в себе вопрос, дает пищу для размышлений.

К сожалению, нам не удастся рассказать обо всех достоинствах книги. Например, хотелось бы поговорить о том, как произведения разных авторов, вплоть до наших современников, рассматриваются в контексте русской литературы.

Да, это тоже один из наших принципов: поиск литературных и культурных реминисценций, попытка понять, что они значат для каждого автора. Если человек умеет это делать, он будет читать и лучшие книги современных авторов. Он поймет, что они сделаны из того же теста, что и классика, которую он успел понять и полюбить. Ведь, собственно говоря, наша главная задача — приохотить детей к чтению, чтобы, выйдя из школы, они читали всю жизнь, а не просто дать им некий определенный стандартами объем информации. Именно в этом отличие нашей книги от привычных школьных учебников.

Вопросы внутри раздела о романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«1. Какая музыка сопровождает в романе действия Воланда и его свиты?

2. Какая музыка звучит в ершалаимских главах романа?

3. С образами Мастера и Иешуа музыкальные мотивы вообще не связываются. Попробуйте дать толкование этому факту.»

«Движение

Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.

После первого чтения читателю это стихотворение Н. А. Заболоцкого, скорее всего, покажется непонятным. Поэт будто задает «загадки». Что это за извозчик, у которого «из ваты сделана броня»? Почему «бедный конь руками машет»? Почему «восемь ног сверкают / В его блестящем животе»? Вместе с тем отгадка содержится уже в самом названии стихотворения — «Движение». Оказывается, речь идет о движущемся, скачущем коне. Человеку, смотрящему на бегущее животное со стороны, кажется, что у него восемь ног. Скорее всего, этот человек — ребенок. Если мы вспомним детские рисунки, передающие движение каких-то существ или предметов, то легко представим себе, что конь может быть изображен на них именно так.»

Страна, где все надписи на кириллице

Евгений Попов

С точки зрения россиянина Болгария — страна крохотная. Максимальное ее расстояние с запада на восток составляет всего лишь 520 километров, меньше, чем от Москвы до Питера, с юга на север — 330 километров, примерно как от Саратова до Сызрани.

Страна, население которой по численности сопоставимо с населением Москвы, граничит на севере с Румынией, на западе — с Сербией и Македонией, на юге — с Грецией и Турцией; лишь на востоке Болгарии — Черное море, голубая синь.

Однако на ее территории размером 110 910 квадратных километров есть, кажется, всё, о чем только может мечтать человек. Реки — Дунай, Искыр, Тунджа, Марица, Янтра. Водопады. Родники с хрустально чистой водой. Дунайская низменность, что на севере. Балканы, где находится самая высокая в стране и регионе гора Муссала высотою около трех тысяч метров над уровнем моря. Пляжи, солнце, песок, вино, брынза.

И вовсе не секрет, что в канувшие времена Болгария являла собой для рядового советского человека нечто вроде дополнительной, хотя и заманчивой шестнадцатой республики СССР. От Москвы до самых до окраин наличествовали на полках магазинов и магазинчиков бутылки с «Мельником», «Лудогорским», «Монастырской избой», коньяками «Плиска» и «Золотые пески», банки с консервированными помидорами и перцами... Что еще? Джинсы «Рила» носили у нас тогда, курили сигареты «Шипка», «Родопи», «Опал», слушали пластинки звонкоголосого Бисера Кирова и страстной Лили Ивановой...

Именно туда, *в заграницу*, имел шанс съездить упомянутый гражданин огромной страны за каких-нибудь 200–250 рублей, заполнив множество анкет и получив на поездку благословение парткома. Купался, кушал, выпивал, дружил да еще и с подарками возвращался на горячо любимую родину. Болгария почему-то считалась идеологически менее опасной, чем ГДР, Польша, Венгрия, Югославия, не говоря уже о настоящих *капстранах*. Именно тогда, наверное, и возникла хамская советская пословица «Курица не птица, Болгария — не заграница».

Все это — частная, низовая жизнь граждан. А наверху — большая политика. Брежнев, Живков, происки НАТО, автомат Калашникова, «братская помощь», «социалистический лагерь», «космическая программа»... «Мы благодарны Народной Республике Болгарии за поддержку наших предложений по ракетам средней дальности и оперативно-тактического назначении», — высказался однажды «дорогой Леонид Ильич». Хотя «большая политика» всегда соприкасается с малой. Василий Аксенов рассказывал мне, что когда впервые, в середине 60-х, появился в Болгарии уже маститым писателем, но имеющим хипповые длинные волосы, его тут же отловили болгарские народные дружинники с целью эти буржуазные волосы состричь. «Я не болгарин, я советский!» — вскричал опешивший классик. «Ну и что? Мы тоже советские», — хладнокровно ответствовали ему балканские комсомольцы, щелкая ножницами. Око за око, зуб за зуб...

Все это в одночасье было сметено могучим ураганом «перестройки». Вот сцены того времени: перед опустевшим мавзолеем Георгия Димитрова красуется старый разбитый автомобиль «Варшава», вокруг которого разбросаны труды классиков марксизма-ленинизма, произведения Тодора Живкова и его окружения, учебники по общественно-политическим дисциплинам, коммунистические символы — ржавые серп и молот, звезда. В центре Софии дурачатся мальчишки: забираются на трибуну брошенного без охраны мавзолея и машут рукой воображаемым колоннам, передразнивая Живкова...

Казалось, что на какой-то момент Россия забыла о Болгарии, а Болгария о России. И что это теперь навсегда, несмотря на воспоминания о русской-турецкой освободительной войне XIX века, строительстве атомной станции «Козлодуй», габровских анекдотах на 16-й странице «Литгазеты», знаменитого «Добре дошли», что в переводе с так похожего на русский болгарского языка означает «Добро пожаловать». И в этом, наверное, тоже была своя логика.

Жители различных бараков соцлагеря надоели друг другу к тому времени хуже, чем жильцы коммунальной квартиры, обрисованной писателем Зощенко. Но вот социалистическую коммуналку расселили, все прежние ее насельники стали суверенными, независимыми, гордыми, однако что-то им вдруг стало, на мой взгляд, немножко скучно и потянуло их опять друг к другу, как прежде — соли у соседа попросить, предложить выпить рюмочку, обсудить наболевшее и полузабытое.

Вот и я, наконец, сподобился побывать в Болгарии, полюбил ее поздней любовью.

Поздней, да, поздней. При Советах я даже и не пытался выехать за границу, хотя бы и в Болгарию. Вряд ли бы меня пустили, учитывая мою буйную литературную юность и публикации на Западе. А потом — стыдно сказать — не то чтобы и я про Болгарию забыл, а завертелись дни, как счетчик в советском такси, и вот я уже лысый, седой, а все еще не был в Болгарии, не знаю, как она выглядит и устроена. Хотя Болгария меня помнила. Уже с 1986 года, когда стало хоть чуть-чуть *можно*, меня стали здесь переводить и печатать.

И — хороший повод для поездки нашелся, потому что я не люблю шататься по свету в безделии. Пловдивское издательство «Жанет-45» совместно с софийским «Факел-экспрессом» выпустили на болгарском мою старую книжку рассказов «Веселие Руси», которую у меня на родине некогда считали «идейно-ущербной, близкой к клеветнической», ибо в ней я описывал, как умел, своих земляков. Тот самый *народ*, которым всегда любили клясться идеологические жулики всех времен и народов. Они же — пастыри и начальники, из этого же народа

вышедшие, но отнюдь не желающие туда возвращаться, в это царство нищеты, алкоголя, смеха, отчаяния, несбывающихся надежд, доброты.

Вот она и София предо мною, вернее — я в ней. Осень. Листья желтые над городом кружатся, как в известном шлягере. Едем вдоль улиц странных, где социализм перемешан с тем, что было до него, но пропорция явно в пользу старины. На память об османском владычестве — мечеть Баня-Баши (1576 год, и даже имя архитектора сохранилось — Хаджи Мимар Синан). Рядом — действительно *баня* с горячими минеральными источниками-фонтанчиками. Неподалеку — синагога, возведенная в 1910 году венским архитектором Фридрихом Грюнангером, одна из самых больших, говорят, на Балканах. И совсем недалеко, рядом с модерным пятиэтажным универмагом, выстроенным по западным образцам крохотная древняя (XIV век) церковь Света Петка Самарджийска, простая, с двускатной крышей, безо всяческих там привычных куполов и башен, ибо они в то время османскими завоевателями были запрещены. Вообще-то османская оккупация Болгарии, о которой так много и горячо говорит Инсаров, героический персонаж известного романа И. С. Тургенева, — тема до сих пор если не больная, то, по крайней мере, не забытая. Но сейчас ведь действительно наступило Третье тысячелетие, XXI век на дворе, и если люди не стали добрее, то может быть хотя бы чуточку поумнели? Вот ведь храмы трех религий соседствуют себе мирно в древне-новой Софии, и это не мешает ровным счетом *никому*.

Старина и новь. Во дворе роскошного отеля под названием «Шератон» бережно сохранили пожалуй что самый древний исторический памятник Софии — ротонду Свети Георги, которая была лишь малой часть большого археологического комплекса. Ученые предполагают, что все здание было выстроено во II — III веке. Это сооружение не раз разрушалось, но и сейчас ротонда существует в том виде, в котором была в V веке, когда ее использовали как храм. Замечательна и церковь Света София, давшая название городу. После Свети Георги это второе по древности сооружение в Софии, относящееся к VI веку.

И все же самый знаменитый храм Софии — собор Александра Невского, еще одна память о том, что две наши страны связаны самым дорогим, что только есть на свете, —кровью, ибо во время русско-турецкой войны за свободу Болгарии отдали свои жизни свыше 100 тысяч русских воинов. Этот храм, построенный на пожертвования болгарского народа, был закончен в 1912 году, когда на горизонте мировой истории уже разгоралась заря новой войны — Первой мировой, за которой последовали другие неисчислимые беды XX века, включая фашизм, коммунизм, Вторую мировую и ее последствия... Русские архитекторы Александр Померанцев и Иван Богомолов строили собор около тридцати лет, над интерьерами храма трудились выдающиеся художники наших двух стран, и посетители собора до сих пор любуются работами Виктора Васнецова и Антона Митова. Итальянский мрамор, бразильский оникс, африканский алебастр — нет, не пожалели денег болгары для русских «братушек». И надпись на памятнике Александру II, что стоит в центре Софии вот уже более ста лет, переводить на русский вряд ли требуется. Надпись гласит: «ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ ПРИЗНАТЕЛНА БЪЛГАРИЯ».

И не случайно, что именно здесь, в Софии 25 (!) лет подряд, несмотря на все катаклизмы коммунистической и посткоммунистической эпох, издается журнал «Факел», практически целиком посвященный современной русской литературе. Почти все, что было интересным или просто заметным в это время у нас, *уже* переведено в этом журнале на болгарский. Список авторов широк — от Астафьева и Распутина до Сорокина и Пригова, список насчитывает сотни имен, включая самых новых русских литераторов вроде обстоятельного Петра Ореховского, которого и у нас-то в стране мало кто знает, несмотря на его несомненное литературное дарование. Зачем знаменитый на всю Болгарию поэт Георгий Борисов тратит свое драгоценное поэтическое время на литературу *другой* страны, для меня, как и для многих российских литераторов, в общем-то, тоже загадка. Или щедрой славянской души, или просто талантливого космополитического человека, понимающего в том, *Who is Who* и *What is What* в мировой культуре.

Уютна, хороша София, но ведь и она, как и всякая столица, это еще не вся страна. В Софии около двух миллионов жителей, а вторым по величине городом Болгарии является Пловдив (более 450 тысяч), расположенный на трех холмах посреди Фракийской равнины, по обе стороны реки с легким именем Марица.

Чудом сохранились здесь еще от начала I тысячелетия фрагменты городского форума, стадиона, античные базилики, термы. Античный театр на

3000 мест сейчас отреставрирован, и в нем снова *играют*. Но самая милая часть Пловдива — это, конечно же, Старый Город с его узкими средневековыми улочками и добротными домами XIX века, фасады которых украшены резьбой по дереву и росписями. Кафе и ресторанчики уютны, прохожие — доброжелательны, фракийские базилики и римские бани соседствуют с мусульманскими мечетями и славянскими церквушками, купеческие особняки — с административными зданиями. Не случайно этот город стал Меккой для художников разных стран, и если Софию иногда сравнивают с Римом, то Пловдив — болгарский маленький Париж.

Несколько лет назад археологи обнаружили здесь во фракийской гробнице уникальные сокровища VI–V веков до нашей эры — серебряные сосуды, перстни, золотой нагрудник и прочие доисторические богатства. Ученые люди утверждают, что подобного пышного погребения этого периода человеческой истории до сих пор не было найдено *нигде*, кроме Болгарии. Учитывая, что культурные меты минувших эпох дружно стираются под мощным натиском неумолимого прогресса, я думаю, что и здесь Болгарии повезло. Мистика, но эта неспешная жизнь вдали от бурлящих центров других европейских стран вдруг приносит свои неожиданные плоды во время повальной урбанизации и накрывающего весь мир облака глобализма.

Но лично для меня важен и другой феномен Пловдива — это существование в нем упомянутого издательства «Жанет 45», которое возглавляет болгарская *businesswoman* с красивым человеческим лицом Божана Апостолова. Это издательство свило себе гнездо на огромном полиграфическом комплексе, успешно зарабатывающем денежки на печатании этикеток, открыток, постеров и другой полезной потребительскому народу продукции. А вот жаждет ли этот самый народ изысканной духовной пищи в виде изящно и богато изданных книжек элитарных болгарских поэтов, Константина Павлова, например, — в этом я сильно сомневаюсь. Более того, полагаю, что все это для Апостоловой — чистый капиталистический убыток. Равно как и затеянная ею совместно с журналом «Факел» серия «Новая русская проза», где уже вышли Аксенов, Алешковский, Войнович, Лимонов, Довлатов... И если издание болгарской поэзии еще както можно объяснить цеховой солидарностью — Божана Апостолова и сама известный поэт, — то сам факт переложения на болгарский текстов вышеупомянутых авторов без указки и соответствующих указке грантов тоже следует признать явлением мистическим.

Мистическим, но объяснимым. Объяснимым не только добротой и разумом издательницы, но и нашим многовековым родством крови, не подверженным внешнему влиянию, каким бы сильным оно ни было.

Ведь мягкая и гостеприимная Болгария, спасенная в XIX веке силою русского оружия, — это страна, которая во время Первой мировой войны воевала на стороне «германцев», да и во время Второй мировой «была вовлечена в орбиту фашизма», как политкорректно пишется в учебниках. Ну, а с 1946 по 1989 сожительствовала со «старшим братом» из Кремля, а ведь Сталин — это вам не Александр II, освободитель Болгарии и русских крестьян, император-демократ, со смертью которого от руки тогдашнего левака-террориста всё в России покатилось под уклон, докатилось и до Болгарии. Да и Хрущев с Брежневым — не граф Игнатьев или генерал Скобелев, личности, до сих пор чтимые в Болгарии.

Которая, что могла, то и делала для русских после катастрофы 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны, когда и у нас брат шел на брата. Именно Болгария, которая в те годы отнюдь не была процветающей страной, приняла 35 тысяч русских беженцев-белогвардейцев и обеспечила им посильное человеческое существование. Здесь жили тогда, кто коротко, кто долго, философ Петр Струве, дипломат Павел Милюков, актер и режиссер Николай Массалитинов, чудом бежавший из сталинских лагерей философ Иван Солоневич, князь Трубецкой, основатель «евразийства». Здесь прославился на весь мир хор донских казаков под управлением Сергея Жарова, сюда приезжали балерина Тамара Карсавина, поэт Константин Бальмонт, великий певец Федор Шаляпин. Да всех и не перечесть.

Как не перечесть всех красот и чудес Болгарии, которые обязательно должны занять свое место в сердце каждого россиянина.

Это и Варна с ее гигантским мостом, соединяющим море с Варненским озером.

И Велико-Тырново, древняя столица Болгарии, центр Болгарского Возрождения.

И Бургас, где Морской парк на многие километры простирается вдоль ласкового моря.

И Созополь, греческая Аполлония, прибрежный рыбацкий городок, трогательно описанный Константином Паустовским.

И Несебр, город-музей, который, подобно Венеции, целиком включен ЮНЕСКО в список мирового культурного наследия.

И сто двадцать больших и малых монастырей, сохранившихся до наших дней, среди которых выделяются легендарный Рильский монастырь, Бачковский монастырь, Троянский монастырь, Роженский монастырь, Земенский монастырь, монастырь в городе Шипка.

На могиле легендарного болгарского борца за свободу Яне Сандaнского, похороненного у стен Роженского монастыря, высечено «Раб борется за свободу, свободный — за совершенство». И если оба наших народа теперь действительно свободны, то жить в России, не помня о Болгарии, неумно и печально. Есть такой старый анекдот: болгарин и русский нашли мешок с золотом. «Давай разделим по-братски», — сказал русский. «Нет, лучше поровну», — возразил болгарин. Думаю, что жить счастливо можно и без мешка с золотом, была бы охота.

Посвящается Тигру

В февральском номере самое время вспомнить об угощениях, посвященных Году Тигра (ведь наступает он именно в феврале, а не в январе!)

Салат «Тигрёнок»

2 отваренные свеклы, 3 отваренные картофелины, 3 отваренные моркови, 100 г зеленого горошка, 150 г ветчины, 2 зубчика чеснока, половина луковицы, белок 1 яйца, 1 столовая ложка рубленой зелени (петрушка, укроп), 1 столовая ложка горчицы, 150 г майонеза, для украшения — маслины, гвоздика, красный сладкий перец.

Свеклу, морковь, картофель очистить и натереть на терке. Ветчину нарезать тонкими полосками. Из зеленого горошка слить жидкость.

Для соусов разделить майонез на две неравные части (треть и две трети). В меньшую часть добавить измельченный лук и горчицу, тщательно перемешать. В большую часть добавить измельченные чеснок и зелень, перемешать.

Теперь можно приступать к составлению салата. Первый слой — свекла. Выложить ее в виде тельца тигренка и покрыть соусом с чесноком и зеленью. Сверху выложить зеленый горошек и картофель, намазать этот слой соусом с луком и горчицей. Следующий слой — ветчина, которую надо покрыть оставшимся соусом с чесноком и зеленью. Последний слой — измельченная морковь, она будет шерстью тигренка.

Ответственный момент — украшение. Для изображения тигриных полосок можно использовать маслины, для глаз — гвоздику, для мордочки и ушей — белок, измельченный на мелкой терке, красный перец — для ротика.

«Тигр-вегетарианец»

4 картофелины, 2 моркови, 3 яйца, 3 красные свеклы, 1 луковица, 2 свежих или маринованных огурца, маслины (или чернослив), майонез, соль, перец.

Отварить овощи, дать им остыть, натереть на крупной терке. Головку лука перемолоть или мелко нарезать. Огурцы нарезать на мелкие кубики, оставив небольшой кусочек для украшения салата. Сварить яйца вкрутую, отделить белок от желтка. Измельчить белок. Желток можно просто подавить ложкой или порезать ножом. Меньшую часть белка смешать с желтком, другую оставить для украшения салата.

Итак, все овощи сварены и измельчены. (Чем мельче они будут нарезаны или натерты, тем более нежным получится салат.) На плоской тарелке выложить из картофеля голову тигра, смазать майонезом, посолить и поперчить по вкусу. На картофель выложить нарезанные огурцы и снова смазать майонезом. Следующий слой — перетертый лук. Затем выложить яичный желток, смешанный с белком. Далее — свекла. Слои промазывать майонезом. Поверх свеклы можно добавить измельченные яблоки. Последним слоем выложить морковь. Боковые стенки дополнительно смазываются майонезом и декорируются морковкой. Получается как бы морковная маска. Из яичного белка сформировать мордочку тигра и глазницы. Измельчаем ножом 5 — 7 маслин и складываем из них полоски на мордочке, ресницы, нос. Зрачки вырезаем из огурцов, язык хищника-вегетарианца — из колбасы.

Салат «Тигрица»

250 г свинины (копченой или жареной), 2 большие луковицы, 2 большие моркови, 3 яйца, 150 г твердого сыра, 100 г чернослива, 2 небольших огурца, 1 чайная ложка паприки, 2 зубчика чеснока, майонез.

Салат выкладывать слоями. Каждый слой промазать майонезом. Лук порезать полукольцами, поджарить до золотистого цвета на растительном масле, выложить на бумажное полотенце, потом, когда остынет, на тарелку. Свинину мелко порезать (можно копченую, а можно поджарить). Яйца и сыр натереть на крупной терке. Огурец нарезать ломтиками. Морковь натереть на крупной терке, обжарить на растительном масле, в конце посолить, добавить паприку и давленый чеснок.

Когда салат остынет, украсить его черносливом. Накрыть и на три часа поставить на пропитку в холодильник.

Тигриный шоколадный торт

2 столовые ложки какао-порошка, 2 стакана муки, половина чайной ложки соды, половина чайной ложки разрыхлителя теста, 125 г сливочного масла (и еще 2 чайные ложки для глазури), полтора стакана сахара в тесто и 2 стакана для глазури, 2 яйца для теста, 2 яичных желтка для глазури, черный шоколад (120 г для теста. 240 г для глазури, 60 г для аппликации), 1 стакан пахты, 250 мл сливок (30%), 1 чайная ложка ванилина для глазури, 100 г белого шоколада и 50 г молочного для аппликации.

Для выпечки бисквита муку просеять с какао, добавить щепотку соли, соду, разрыхлитель. 120 г шоколада растопить на водяной бане. Масло взбить с сахаром; не переставая взбивать, ввести по одному яйца. Добавить шоколад, перемешать. Шоколадную массу вылить в мучную смесь, добавить пахту (можно заменить ее йогуртом с лимонным соком). Тщательно перемешать до однородности. Выложить тесто в смазанную форму. Бисквит выпекать около часа при 180 градусах. Проверить на готовность деревянной шпажкой, остудить, разрезать на три коржа.

Для глазури растопить 240 г шоколада на водяной бане. Ввести сливки и желтки, взбить. Продолжая взбивать, всыпать сахар, вложить 2 чайные ложки масла, ванилин. Взбить массу до однородности, снять с водяной бани. Дать глазури немного остыть.

Промазав коржи глазурью собрать торт. Обмазать верх и бока торта остатками глазури. Можно было бы на этом и закончить, обсыпав торт шоколадной стружкой.

Но хорошо бы оформить торт шоколадной аппликацией. Растопить шоколад (черный, молочный и белый) на водяной бане. Выложить шоколад в кондитерские мешочки (кульки из пергамента). Изобразить по верху торта мордочку тигра: контур — черным шоколадом, глаза — белым, брови — молочным. Убрать в холодильник, чтобы шоколад схватился.

Весёлые игры на мамин день

Хорошо, если на этот любимый всеми праздник придут к вам со своими малышами другие мамы (и папы!). Можно будет устроить разные веселые игры.

Жмурки с колокольчиком

Одному из детей — это водящий-жмурка — завязывают глаза. Другие играющие получают колокольчик, который они могут передавать из рук в руки, не забывая звенеть в него. Тот, кого водящий изловчится схватить, сам становится жмуркой.

Где мой малыш?

Маме завязывают глаза и подводят к ней нескольких малышей. Мама, дотрагиваясь до каждого, пытается узнать своего. Малыши, конечно, помалкивают, чтобы их нельзя было узнать по голосу.

Чья это мама?

Ты легко можешь узнать свою маму? Одну из мам усаживают на стул, накрывают пледом, а малыши стараются определить, чья это мама под пледом скрывается.

Помощник Карлсона

Ребенку завязывают глаза и предлагают попробовать варенье. Ребенок должен узнать по вкусу, что за варенье он пробует. Удалось? Значит, он может быть помощником Карлсона, любителя и знатока варенья. Вариант: узнать по вкусу, какую сладость положили ему в рот. (Это могут быть кусочки ирисок, мармелада, шоколада, зефира.)

Повяжи косынку

Соревнуются несколько мальчиков. Перед ними на стульях сидят девочки, на спинках стульев висят косынки. Сигнал — мальчики начинают повязывать девочкам косынки. Кто окажется самым проворным?

Наряди куклу

Это игра, в которой соревнуются две девочки. На столе лежат две куклы. А еще то, во что кукол надо будет обрядить: пеленки, чепчики, ползунки, рубашечки. (Каждой вещи по две.) По сигналу девочки принимаются за дело. Кто из них справится с задачей быстрее? Конечно, и мальчиков можно включить в игру. Особенно любопытной станет она, если мальчик станет соперником девочки.

Неожиданная вежливость

Это конкурс с подвохом, так что его можно провести с теми же участниками только один раз. Перед мальчиками проходит девочка и как бы случайно роняет на пол платок. Кто-то из мальчиков первым понимает, что надо поднять платок и вежливо вернуть его девочке. Только после этого собравшимся говорят, что это был конкурс, который позволил выяснить, кто тут у нас самый вежливый.

Продуктовые корзинки

У одной стены комнаты стоят два стула. На них разложены «покупки»: кегли — это бутылки сока, кубики — буханки хлеба, мешочки с пуговицами — пакеты сахара. Дети стоят у другой стены. По сигналу они берут корзинки, подбегают к стульям, складывают в корзинки покупки и возвращаются назад. Побеждает тот, кто выполнит задание быстрее и без ошибок.

Ласковые слова

Дети встают в круг. Ведущий, у которого в руках воздушный шарик, произносит ласковое слово, которое приятно услышать каждой маме, и передает шарик рядом стоящему ребенку. Тот произносит свое ласковое слово и передает шарик соседу. И так далее. Тот, кто не смог ничего сказать, выбывает из игры. Оставшихся (их может быть двое-трое) награждают шариками.

Говорливые повара

Задача — приготовить обед, только на словах. Дети делятся на две команды. Одна, которой поручено сварить суп, называет овощи, а другая, отвечающая за компот, называет фрукты. Говорят по очереди. Выигрывает команда, которая вспомнила больше слов. Можно играть командами или парами.

Пусть расцветают цветы

На пол кладут цветные обручи — это клумбы. В каждой сидит на корточках малыш, он изображает цветок. Под музыку цветы начинают расти, дети выбегают из обручей и танцуют. Как только музыка стихает, малыши возвращаются на клумбы. Важно не перепутать и вернуться на свою!

Цветок для мамы

На листах картона рисуют два больших цветка, мак и василек, с одинаковым количеством лепестков. Разрезают картон на лепестки и сердцевины. Детали раскладывают на столе в беспорядке. Двое малышей по сигналу собирают цветки, каждый свой. Кто быстрее справился с заданием и, конечно, не ошибся?

Комплименты

На середину комнаты выходит девочка. Две команды мальчиков по очереди говорят ей комплименты. Повторяться нельзя. Побеждает команда, сумевшая сделать больше комплиментов.

Живой клубок

Веревка связывается в кольцо. Водящий выходит из комнаты (или отворачивается). Остальные, держась двумя руками за веревку, запутывают ее. Вернувшийся должен распутать этот живой клубок, чтобы снова возникло веревочное кольцо.

Подарок-пантомима

Дети состязаются в том, что придумывают свой подарок маме, а затем изображают этот подарок пантомимой. У кого пантомима получилась самой интересной и понятной?

(По материалам сайта «Солнышко»)

Ежедневный развлекательно-познавательный
интернет-портал «СОЛНЫШКО»
приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

www.solnet.ee
Детский портал
Солнышко

Новое в марте 2010 года:

— «Солнечная викторина», приуроченная к дню рождения портала;
— новые развивающие стенгазеты для детей 6–12 лет;
— мартовские фотоконкурсы детского обаяния;
— сценарии выпускных праздников;
— бесплатные консультации детского психолога и логопеда;
— ежедневный астрологический прогноз на март и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт *www.solnet.ee*!

На протяжении многих сотен лет в качестве жевательной резинки использовали смолу и воск. Но

140 лет назад, 28 декабря 1869 года, произошло эпохальное событие: стоматолог Уильям Финли Семпл запатентовал жевательную резинку. Из нее еще нельзя было выдувать огромные пузыри, и она не отличалась разнообразием вкусов. Массовое производство и популяризация жевательной резинки в пластинках — заслуга компании Wrigley, основанной в 1891 году. *(Здесь вы видите, как рекламировали жевательную резинку в конце XIX века.)*

До Второй мировой войны резинка оставалась в основном американским явлением. В наши дни ее можно купить где угодно, а найти человека, который никогда не пробовал жвачку, практически невозможно.

Я уже давно хотел сделать костюмный, обращенный в прошлое фильм, а к Шерлоку Холмсу у меня и вовсе ностальгическая привязанность, — говорит обозревателю Би-би-си автор знаменитых фильмов «Карты, деньги, два ствола» и «Рок-н-рольщик» Гай Ричи. — Поэтому, когда сценарист Лайонел Уайграм придумал эту осовремененную историю, я к ней был совершенно готов.

Осовременивание вовсе не означало, как это нередко теперь бывает с классикой, переноса действия в наши дни. Холмс проводит свои расследования в викторианской Англии, в то же время, что и у Конан Дойла. Столица могущественной Британской империи предстает

в самых разных своих ипостасях: и закрытые аристократические клубы, и бурлящий грязный Ист-Энд, и парламент, и многочисленные стройки — финальная схватка между Холмсом и главным злодеем лордом Блэквудом проходит именно на строившемся тогда мосту Тауэр.

Произошла этакая «бондизация» Шерлока Холмса — это боевик, в котором упор делается не столько на Холмса-мыслителя, сколько на Холмса-деятеля и, если угодно, воина. Но исполнитель главной роли Роберт Дауни-младший при всех своих выдающихся физических качествах — не Шварцнеггер и не Ван-Дамм. И в роли его привлекали в первую очередь интеллект и незаурядная личность Шерлока Холмса: «Я бы сказал, что он не может выносить унылой повседневности, когда идеи вызревают месяцами. Более того, он говорит, что его мозг работает лучше всего, когда все складывается так, как ему неудобно».

Джуд Ло — исполнитель роли доктора Уотсона — вполне удовлетворен тем подходом к экранизации, которого придерживался Гай Ричи: «Наш сценарий оригинален, но при этом он вполне следует духу книги. Мы Робертом с большим уважением и благоговением подошли к нашим персонажам, но в то же время обогатили их чертами, которые ранее были мало кому известны».

Энергия и невероятная физическая активность героев порождают действительно захватывающее зрелище. В то же время невозможно отделаться от ощущения, что Холмс Гая Ричи и Роберта Дауни-младшего — не только не тот Холмс, к которому мы все привыкли, но и не тот Холмс, которого придумал Конан Дойл.

Сотрудник знаменитого музея Шерлока Холмса в Лондоне на Бейкер-стрит Джон Лайли говорит: «Голливуд приставил увеличительное стекло к личности Шерлока Холмса и выпятил определенные его характеристики. Но я не думаю, что эти преувеличения настолько велики, что мы можем говорить об искажениях. Он был человеком, готовым и умеющим драться, человеком очень активным».

Кто же, по мнению Лайли, лучший Холмс в огромной — свыше сотни — череде киновоплощений великого сыщика? «Должен сказать, что для меня это Василий Ливанов. Он стоит на недосягаемом для остальных пьедестале». Когда из Би-би-си звонили самому Ливанову в Моск-

ву, нового фильма он еще не видел, но подход Гая Ричи большого энтузиазма у него не вызвал: «Если фильм основан на насилии и драках, то это не Холмс, это Нат Пинкертон,

американская трактовка детектива, появившаяся после Конан Дойла. Холмс замечателен своим интеллектом и психологическим анализом. Но вообще во все времена Холмс имеет право на существование, если соблюдается заложенная в него замечательная идея. Холмс и доктор Ватсон — это люди, которые бескорыстно приходят на помощь тем, кто терпит бедствие».

Фермеры северной Австралии говорят, что тысячи кенгуру объедают их поля. Тысячи сумчатых не оставляют пищи для овец. Помимо серьезных материальных убытков, которые уже оцениваются в тысячи долларов, местные жители говорят о потенциальных экологических проблемах. Кенгуру уничтожают зелень, а вместо нее приходит пыль. Численность кенгуру в Квинсленде растет не только из-за влажной погоды. Не последнее значение для роста популяции имеют и введенные Россией ограничения на импорт мяса кенгуру. Из-за этого в Австралии стали убивать значительно меньше сумчатых.

Если в Квинсленде популяция кенгуру стремительно растет, то на юге страны — в штате Новый Южный Уэльс — наблюдается обратное. Из-за сильной засухи в этих районах сокращается популяция двух видов кенгуру — западных и восточных серых. Местные власти ввели временный запрет на отстрел животных. Защитники животных полагают, что австралийским кенгуру в этом штате угрожает полное исчезновение.

Греческие морские археологи, проводившие раскопки у побережья египетской Александрии, обнаружили гигантский 15-тонный порог из гранита, который, как они считают, был частью входа в гробницу Клеопатры. Об этом пишет английская «Гардиан».

Ученый Гарри Цалас заявил, что, судя по порогу, у здания была семиметровая дверь. Это аргумент в

пользу гробницы: очевидно, что после смерти и захоронения Клеопатры в усыпальницу никто не должен был входить, и, соответственно, дверь можно было делать тяжелой.

Найденный порог, если он действительно находился при входе в мавзолей египетской царицы I века до нашей эры, позволяет пролить свет на историю смерти возлюбленного Клеопатры, римского полководца Марка Антония, поведанную Плутархом. *(Здесь воспроизведен фрагмент картины «Пир Антония и Клеопатры» кисти Яна де Бре.)*

После того как Египет был покорен императором Октавианом Августом, Клеопатра заперлась в своей усыпальнице вместе со служанками и готовилась совершить самоубийство. Антоний решил, что его любовница уже погибла, и бросился на меч. Тогда женщины на веревках втянули раненого в гробницу, чтобы Антоний мог умереть рядом с Клеопатрой.

Внушительные размеры порога, таким образом, объясняют, зачем умирающего Антония надо было втягивать внутрь здания на веревках: женщины, запершиеся в гробнице, не могли бы сами сдвинуть массивную дверь с места. Сама царица покончила с собой спустя 11 дней после смерти Антония.

Часть входа в гробницу была обнаружена на глубине восьми метров; ее еще только предстоит поднять на поверхность.

Луи Ленен

Около 1593. В городе Лане, на севере Франции, в семье зажиточного виноградаря и землевладельца родился сын Луи. Всего в семье было пять братьев, и трое младших стали художниками. Первые уроки они брали в местном соборе, глядя на работу тех, кто расписывал стены и алтарь. Потом ходили на занятия к заезжему художнику. Возможно, он был фламандцем. Иначе трудно объяснить влияние фламандского искусства на живопись братьев. Совершенствоваться мастерству они решили в Париже. Их работы, созданные в родном городе, не сохранились.

1629. Открывают собственную мастерскую в Париже. Старший брат, Антуан, — глава семейного содружества художников, к нему обращаются заказчики; младший, Матье, долгое время работал как подмастерье, это развило в нем дух соперничества и желания прославиться. Средний, Луи, был самым талантливым, но едва ли об этом догадывался, и не сразу это стало понятно его братьям. Мастерская Лененов вскоре становится знаменитой. Они специализируются на семейных портретах, а в то время спрос на них был большой. Не отказываются они и от других выгодных предложений.

1632. Мастерская принимает заказ из Парижа на портрет эшевенов — лиц городской администрации и суда. Портрет имел успех (к сожалению, не сохранился).

1630–1632. Для капеллы Пти-Огюстин в Париже исполняют цикл из шести картин «История Марии». Одна из них, «Поклонение волхвов», находится в Лувре.

1634. Матье благодаря знакомству получает заказ на портрет королевы Анны Австрийской (не сохранился), получивший одобрение самого Людовика XIII.

Около 1635–1636. Братья получают заказ на роспись капеллы в Сен-Жермен де Пре. А вскоре создают алтарные картины для четырех капелл собора Парижской Богоматери.

Конец 1630-х — начало 1640-х. Луи Ленен пишет «Тайную вечерю», находящуюся в настоящее время в Лувре. Он по-своему решает традиционный сюжет. Апостолы, сгрудившись, сидят за столом, часть их спиной к зрителю. Художник подчеркивает их грубоватые лица и простые одежды. Только лица Христа и Иоанна выделяются благородством и тонкостью черт. Вся сцена погружена в темноту, детали интерьера почти не видны. Исследователи говорят о влиянии барочной живописи, с которой во Франции только знакомились. Сегодняшнего же зрителя поражает естественность изображенной сцены и приземленность евангельского сюжета. Луи обеими ногами стоял на земле, ему нравилось писать то, что он хорошо знает. Все чаще его героями становятся простые крестьяне, рядом с которыми прошло его детство. Спрос на такие портреты мог быть у тех, кто, как его отец, вышел из крестьянской среды.

«Крестьянское семейство» — одна из первых картин в этом жанре. За вечерней трапезой собралась семья, только что окончившая свой трудовой день. Все в будничных платьях, на столе скудная утварь и скудная еда. Все повернулись и смотрят на художника, который их об этом попросил. Но, задумавшись, забыли о нем. Вот эту минуту молчания и погружения в невеселые думы и пишет мастер. Время будто остановилось. Это мгновение придает лицам и фигурам крестьян особую значительность. Семейный портрет становится картиной, в которой присутствует эпическое начало.

Последующие крестьянские портреты повторяют уже найденный прием. «Посещение бабушки» могло бы стать чувствительной сценкой с массой бытовых деталей. Многочисленные внуки пришли поздравить бабушку. Трое старших исполняют песенку под аккомпанемент дудочки, самая младшая на руках у матери только на минуту перестала плакать, здесь же и кошка, и собака, как всегда на жанровых полотнах фламандцев. Но чувствительной сценки не получилось. Каждый из персонажей замкнут в себе. О чем-то грустном задумалась девочка, опирающаяся на бабушкино кресло; молодая мама озабочена плачущим ребенком; непонятно, радуется ли приходу гостей бабушка, — мы видим ее строгий профиль и руки, придерживающие фартук. И не смотрят на бабушку увлеченно поющие братья. Луи Ленен лишен сентиментальности, а ведь он, работая над этим полотном, по-видимому, вспоминал свое детство.

Любил изображать детей и старший брат Антуан («Маленькие картежники», «Маленькие музыканты»), но у него дети всегда объединены каким-то действием, игрой. И это привлекало зрителей. И, конечно, он не мог понять, почему брат пренебрегает занимательным сюжетом: ведь такие картины было легче продать.

Одно из самых выразительных полотен Луи Ленена — «Семейство молочницы» **(репродукция)**, хранящееся в Эрмитаже. Главный герой здесь ослик (он в центре полотна), он возит кувшины с молоком. Ослик остановился, чтобы напиться, остановилось рядом и все семейство из четырех человек и собаки, тут же улегшейся у ног хозяйки. Вот этот момент отдыха и внутренней сосредоточенности каждого персонажа (не исключая маленькой девочки) и запечатлел мастер. Он поместил семью на небольшой возвышенности среди бесконечных полей и распахнутого неба, как скульптурную группу на постаменте. И какой же величавой поэзией и непреходящей грустью веет от этой группы!

1648. В Париже организуется Академия искусств и скульптуры. Братья Ленен становятся ее членами. В этом же году неожиданно умирает Антуан, а через несколько дней и Луи. Причина их смерти неизвестна. Матье наследует состояние отца и братьев, он увлечен погоней за чинами и получением дворянского звания. Судьба нему благоволила.

Луи Ленен умер в расцвете своего дарования. Сразу же после смерти его искусство оказалось забытым. Исследователи объясняют это пренебрежением Матье к творчеству братьев, нежеланием сохранить память об их художестве; были преданы забвению даже их имена. Сыграл свою роль и быстрый расцвет искусства классицизма, поддерживаемый и Академией и королевским двором. Великолепные мифологические полотна Вуэ, Бурдона, Пуссена должны были представлять французское искусство того времени. Через двести лет, в середине XIX века, появляется исследование писателя и критика искусства Шанфлёри, посвященное творениям братьев Лененов. Его открытие приводит в восторг Густава Курбе, который считает, что у Луи Ленена ему есть чему поучиться. Франсуа Милле находит родственную близость своего искусства с искусством забытого художника. Значит, Луи Ленен не был случайным явлением, его зрелое творчество имело чисто французский характер, принадлежало к определенной живописной традиции французского искусства.

Л. Осипова

2062.

Цирк, лёд и фантазия

Представление
в московском Цирке Никулина
на Цветном бульваре

Фото Владимира Луповского